

Александр ГОРОХОВ

ИНО-агент НКВД

Роман - воспоминание

(Журнальный вариант)

Часть I

1.

Сослепу она путала на отрывном календаре надпись «четверг». Через тяжелые жирные стекла очков прочитывала: «демиург». Поднимала глаза с отвислыми, как уши спаниеля, веками, пожимала плечами, говорила:

– При чем здесь демиург? Идиоты. Тоже мне – творцы хреновы.

Отрывала прямоугольный листок с большими цифрами и мелкими буквами, швыряла в мусорное ведро.

Смотрела в окно, соображая, вечер или утро. Вспоминала, что только проснулась. Вздыхала. Шла, шаркая дырявыми тапками, в ванную. Долго выдавливала из тюбика пасту, вонявшую фальшивой химической мятой. Первая порция обычно сваливалась со щетки на пол. Она топталась на ней, делала вид, что ничего никуда не падало, мазала порывевшую за годы щетку, снова промахивалась. Шурудила щеткой во рту. Полоскала. Плескала на лицо теплой водой. Попадала на очки. Снимала их. Клала на стеклянную полку. Долго вытиралась. Шла опять на кухню. Вспоминала про очки. Возвращалась. Потом опять на кухню. Наливала в чайник воду и уходила в комнату. Долго искала пульт от телевизора. Включала. Ложилась на диван. Оружий телик был лучшим снотворным. Просыпалась от мысли, что чайник выкипел и на кухне пожар!

Бежала, с трудом передвигая ноги. Слава богу, оказывалось, что забыла включить. Включала. Ждала, пока засвистит. Наливала в чашку. Долго перемешивала. Потом вспоминала. Насыпала три ложки сахара. Вздыхала. Докладывала ложку растворимого кофе и снова перемешивала. Мазала ломтик хлеба маслом. Думала про холестерин, затыкавший, как говорили в программе про здоровье, все кровеносные сосуды. Вздыхала. Хмыкала, что врачиха говорила, будто бывает и полезный. Ворчала, что медики только треплются, а сами ничего не знают. И вылечить ни от чего не могут.

После завтрака выполаскивала чашку, ставила её кверху попкой в сушилку. Плелась в комнату. Искала пульт. Включала. Ложилась на диван. Долго глядела в экран. Выключала. Смотрела на серое небо в окне. В этот день начался дождь. Грязные капли криво потекли по стеклу. Захлопали по карнизу. Забылась.

Ей снилось, будто она молоденькая шотландская овчарка. Бежит по зеленому полю. Длинная шелковая рыжая шерсть колышется, её догоняет молодой, сильный самец. Не больно кусает за холку, они падают, переворачиваются на спину, хохочут, крутятся. Потом снилось, как она лежит на руке Лёни. Оба молодые, красивые. Улыбаются. Ни о чем не надо говорить. Давно без слов понимают друг друга. Он курит. Дым щекочет её ноздри. Она просыпается и чхает. Потом ещё. Ещё. От этого сотрясается и болит тело.

Вспоминает, что надо искупаться. Идет в ванну. Теплая вода расслабляет. Приводит к теплым мыслям. Она закрывает глаза. Мечтает: «Вот бы сейчас умереть. В тепле. Не больно». Размышляет, как мудро было в Риме: «Ложились в горячую воду. Перерезали вены на руке. Чирк, и все! Кровь постепенно, совсем не больно вытекала. И она бы так хотела. Заснуть и не проснуться».

Мечтательно заулыбалась. Поднялась, держась за борт ванны, боясь споткнуться, свалиться, сломать тазобедренную кость, как соседка Раиса. Или сломать ногу, как... Кто – не вспомнила. Прошлепала мокрыми ногами к обшарпанному шкафу, тоскливо, будто Пьеро, скорчившему мордочку фанеровкой со стеклом. Открыла кривую залапанную дверку со стертым прозрачно-желтеющим лаком. Достала с полки полотенце. Вытерлась. Досуха не получилось. Надела чистый халат. Снова прошла в ванную. Вытерла тряпкой пролитую воду. Повесила на трубу сушить. Жутко устала. Вернулась на диван. Села. Заплакала... Сидя заснула.

Когда проснулась, было темно. Есть не хотелось. Долго соображала, какой сегодня день? Вспомнила — демиург. Пробормотала: «Когда уж ты меня заберешь. Поскорее бы». Посмотрела на пустой кувшин с фильтром для воды. Сказала: «На фиг ты мне нужен». Наполнила из крана чайник. Вскипятила. Насыпала в старую высокую кружку три ложки сахара. Вдохнула. Положила ложку растворимого кофе, перемешала. Намазала ломтик хлеба маслом. Сверху положила ломтик сыра. Вспомнила про холестерин. Вдохнула: молодая врачиха говорила, что бывает и полезный. Проворчала, что ничего эти врачи не понимают. Только голову морочат. С трудом дожевала хлеб. Кофе недопила. Вылила в раковину. Чашку долго мыла. Поставила в сушилку. Капли потекли, захлопали по поддону. Вспомнила — днем был дождь. Попелась в комнату. Нашла пульт. Включила. Долго смотрела в экран. Выключила. Легла на диван. Спать не хотелось.

Жить — тоже...

Крутнулся ключ в замке. Дверь открылась:

— Баб? Ты еще жива, моя старушка! Я тебе продукты принес.

В прихожей на пол шлепнулись башмаки. На вешалке зашуршала куртка.

Она быстро села на диван. Голова закружилась, но глубоко вздохнула, и вроде бы кружение ушло. Глядя в стекло серванта, поправила прическу. Встала, заспешила навстречу. Для всех она притворялась глуховатой, но не для внука.

— Старушка жива! Привет тебе, привет! Ты-то как, Сережа?

— А чего мне делается. Все хоккей.

Внук протопал на кухню. Поставил на стол тяжелые пластиковые сумки-пакеты. Открыл холодильник. Начал заполнять полки пакетами, бутылками, коробками.

— Ну, куда столько? Я же это за месяц не съем. Притащил, как на Маланьину свадьбу.

Внук обнял старушку, чмокнул в щеку:

— Не бойсь, съедим. Чего не съедим — понадкусываем.

— Я сейчас чайник поставлю, — засуетилась она.

— Спокойно. Уже поставил.

Она искренне удивилась:

— Когда успел-то. Я же тут была и не увидела? Шустёр, бродяга!

— А то! — внук снова обнял её. — Ты, небось, голодная сидишь. Только таблетками питаешься. Сейчас бутербродов налеплю.

Внук вытащил из пакета кучу ломтиков батона, начал намазывать одни легким сыром из коробочки, другие щучьей икрой, третьи нарезкой буженины. Она усмехнулась, показала на все это пальцем:

— Правильно, что именно это принес. Врачиха на неделе приходила, умная такая, молодая. Должно быть, на прошлой неделе мединститутский диплом получила. Учила, что это все мне строжайше запрещено. Холестерин, инфаркт-инсульт и прочая, и прочая. А я ей говорю: «Деточка, в моем возрасте можно все! Ибо из всех удовольствий осталось одно — иногда вкусно поесть. И это, именно это и продляет жизнь. А умереть не вопрос. Хоть с холестерином, хоть без».

— А она?

— А что она. Она говорит, что надо без холестерина корячиться в муках на капусте и морковке.

— Баб, можно подумать, что ты каждый день так ешь. Небось, на завтрак — каша, на обед — суп вегетарианский, а в ужин — чай пустой.

— Да нет, Сережа, я хорошо питаюсь. У меня пенсии, слава Богу, хватает на все.

— Я тебе, баб, денежки оставляю, трать. Не сачкуй, — внук вытащил из бумажника небольшую сумму, положил на стол. Придавил сахарницей. — Ходить-то на улицу не очень тяжело? Ты сегодня выходила?

— Сегодня нет, — вздохнула она, — нужды не было, да и погода не очень, а вообще каждый день.

— Тогда молодец.

Чайник закипел. Внук налил в большие чашки. Бутерброды сложил на здоровенное блюдо, передвинул поближе к бабушке. Сели чаёвничать. Она улыбалась, смотрела на внука, неспешно отпивала чай, откусывала маленькие кусочки от бутерброда.

— А мне сегодня дурацкий сон приснился, — она поставила чашку, засмеялась, прикрыла ладонью рот. — Будто я — это не я, а собака. Колли. Красивая, молодая, ловкая. Бегу по зеленой лужайке. Даже не лужайке, по полю, а за мной красавец пес. Догнал, кобелина, охальник.

— Ну, ты, бабуля, даешь! — внук заулыбался, погрозил ей пальцем, обнял. — Ты, пока меня не было, случаем мужиков не водила?

— А то! Почти каждый день.

— Смотри, а то холестерин повысится.

Они снова засмеялись.

— А ты-то как, когда на свадьбу пригласишь? А то и не доживу. Я в этом году помирать собралась.

— Жениться, баб, не напасть, да как бы с женой не пропасть. Совсем ты меня засмущала, — внук жеманно прикрыл лицо.

— Ой-ой, видала я твоих красавиц. Очень даже симпатичные девицы.

— Да к чему они мне, когда ты есть. Вот на тебе хоть завтра бы женился.

— Я уж, Серёженька, давно отженихалась. Слава Богу, с твоим дедом хорошую долгую жизнь прожили. Господь его берег. С войны вернулся. Институт окончил. Умный он был. И выдержанный. Не суетливый.

— Бабушка, — внук вдруг посерьезнел, — а ведь ты мне ни разу про свою жизнь не рассказывала. Так, какие-то отрывки слышал, а ведь толком ничего не знаю. Расскажи.

— Серёженька, да в другой раз.

— Ты, дорогая моя, не отнекивайся, а то ведь, и вправду, другого раза может и не случиться. Вот выйду от тебя, кирпич по башке с крыши бабахнет — и нету. Тю-тю. Кому тогда рассказывать будешь? Так что не отнекивайся. Начинай по порядку.

Старушка взглянула на внука, улыбка сошла с лица. Она вдруг, будто впервые, увидела, насколько он похож на деда, её мужа. Слеза блеснула, Зинаида Филипповна смахнула её:

— Совсем сентиментальная стала. Чуть что — слезы, — она, не стесняясь, вытерла возле глаз платочком. — А я тебе, внук, говорила, что ты на деда похож? Одно лицо.

— Нет, баб. Но я на фотке видел. Сам догадался.

— И походка, и жесты, — старушка оживилась. — Этого на фото нет. Удивительно, ты же его не застал. Он умер до твоего рождения, а все тебе передалось.

— Генетика.

— Да, генетика. Теперь этим такое объясняют. А объясняется-то не все. Характер — объясняют химическими реакциями в головном мозге, походку и жесты — идентичным устройством суставов и связок, длиной мышц. Так-то оно так, но неубедительно. Хотя я не против и такого объяснения, все лучше, чем никакого.

— Бабушка, чаю подлить?

— Пожалуй, подлей, родной ты мой.

Внук налил в чашку чай, обнял, поцеловал в щеку, сказал, чтобы не грустила, что придет в конце недели. Оглядел комнату, добавил, что в выходные сделает генеральную уборку. Потом зашел в ванную, вымыл руки, увидел старую зубную щетку:

— Баб, я же тебе три щетки зубные принесил. Специально мягкие выбрал, почему эту не выкинула? Давай я выброшу. А куда новые-то положила?

Зинаиде Филипповне не хотелось огорчать внука, хотя к старой она привыкла:

— Ну, выбрасывай. Новые в шкафу, где банные полотенца.

Сергей открыл шкаф, выбрал самую красивую, вытащил из пластиковой обертки, на кухне обдал кипятком, заодно отмыл стакан. Старую щетку выбросил в ведро, а новую, в сверкающем чистотой стакане, поставил на место.

Ушел. Она еще долго сидела за столом с остывшей чашкой. Улыбалась. Вспоминала, о чем говорили. Подумала, что, и вправду, надо бы записать все, что помнит о своих предках, о муже, Сережином прадеде. Потом перебралась в комнату, в кресло. Начала размышлять, с чего начать записи. Снова подумала, какой у неё хороший внук. Улыбнулась, поправила себя — «вообще-то правнук». Но всегда называла Сережу внуком. Задремала.

2.

Ей снилось, как она, маленькая девочка в летнем платьице, плывет на колесном пароходе. На палубе. Отец, большой, красивый, держит её на руках и объясняет:

— Зинушка, — говорит он, — сейчас мы идем по Оке, а скоро, в Нижнем Новгороде, пароход повернет вправо, и пойдем по Волге.

— А как я узнаю, что повернули вправо?

— А как увидишь кремль, так и повернем. Так и перейдем из Оки в Волгу.

— Э, папаян, — смеется Зинушка, — не обманешь! Кремль я видела, он в Москве!

Отец тоже смеется, смеется и мать, которая стоит рядом, в таком же ситцевом, как у Зинушки, платье. Зинушка видела — матушка выкраивала и для себя, и для нее из одного большого рулона ткани, потом шила сначала ей маленькое платьице, потом себе, такое же по фасону, но большое.

— Умненькая ты у нас, все знаешь. И Кремль московский видела. А вот теперь увидишь кремль нижегородский. Он поменьше размером будет, но тоже красивый и стоит на холме. Как будем подплывать, сама поймешь, что кремль, — объясняет отец.

Зинушка — егоза. Ей надоедает сидеть у отца на руках, она спускается на палубу, отбегает от родителей, смотрит на берег, чтобы первой увидеть кремль. Мать и отец

стоят рядом. Матушка, обхватив крепкую руку отца, задумчиво смотрит на берега и улыбается. Вздыхает, качает головой, говорит:

— Ох, Филипп Мефодьевич, что-то тревожно мне. Едем к басурманам. Как жить там будем? Ладно бы сами, а то и детишек с собой везем. Но младшие-то хоть с нами, а вот Машеньку в Москве оставили. Как ей будет в пансионате? Душа у меня за неё болит. Не очень-то я надеюсь на Шуру. Не очень-то она за Машенькой следить будет. Сама только замуж вышла, а по мне, ещё дитя дитем.

— Не переживай, Анисья Дмитриевна, все мы правильно сделали. К чему Машеньке, нашей средненькой доченьке, терять эти несколько лет. Они быстро пробегут. Приедем, а она уже три класса гимназии закончит! Присмотр и уход в пансионате хороший. Я сам все проверял и с людьми советовался, узнавал. Учителя и воспитатели люди добрые, порядочные. Будет Машеньке хорошо. Да и Шура, как бы то ни было, приглядит. Они же с Машенькой подружки, хотя Шурочка наша на восемь лет старше. А мы, Анисья Дмитриевна, не печалься, ненадолго едем, — отвечает отец. — Всего на три года. Для нас там уже дом приготовлен. Огромный сад. Склады. Человек двадцать работников наняты. Только работай! Дело мне знакомое. Видишь, надумали Морозовы расширить производство, пригласили для этого на фабрику Григория Ивановича, а он про меня вспомнил. Мысль у него не только ситцами заняться, а и шерстяными тканями. Говорил мне, что скоро много солдатского сукна понадобится. А где шерсть брать? Вот и попросил организовать закупку в Персии.

— А на какие же ты деньги закупать-то будешь? Бесплатно никто не отдаст.

Отец перешел на шепот:

— У нас в трюме много товара ходового в тамошних местах. Во-первых, ситец наш набивной, морозовский, там большим спросом пользуется. Во-вторых, сахар головками в непромокаемых бочках. Поди, видела, как его грузили в Коломне.

Анисья Дмитриевна кивнула, тоже шепотом ответила:

— Видела. Возле мужского монастыря Богоявленского. Долго грузили. Много, — снова вздохнула. — Для всего этого, батюшка ты мой, охрана большая нужна. А тут только ты да я да мы с тобой.

— Пока только команда, — кивнул отец, — а в Нижнем на борт примем пятьдесят солдат. А в Астрахани еще казаков. Все вооруженные, да еще с пушками. И все это по приказу государя-императора. По его особому указанию.

— Это с чего же такое? Это сколько еды им надо будет. А где брать? Да и на какие средства?

— А это не наша с тобой, Анисьюшка, печаль. Это дело государственной важности. К этому большому делу мы только с краешку прислонены будем, — отец перекрестился, увидав на берегу собор.

— Кремль, кремль! — Зинушка, конечно, первая его увидела и закричала. Родители засмеялись. — А почему пароход не поворачивает? — не унималась Зинушка. — Пора в Волгу поворачивать!

— Повернет, повернет, дай срок, — говорит отец.

Раздается гудок. Капитан улыбается с капитанского мостика. Отдает Зинушке честь. В рупор громко объявляет:

— Зинушка, внимание, начинаем поворачивать и вырывать в великую русскую реку Волгу! Подойдем к пристани. Стоянка шесть часов для приема провианта, военной команды, снаряжения и оружия.

Родители, молодые матросы, все, кто на палубе, смеются.

Зинаида Филипповна просыпается. Она любит такие сны. Даже нет, это не сны. Сны — это то, что привиделось, но чего не было. А это было! Давным-давно, в детстве. Она любит вспоминать о детстве. На сердце от воспоминаний тепло, радостно. Будто и не случилось потом большой, тяжелой жизни.

Старушка улыбается, еще не окончательно отойдя от воспоминаний, смотрит в окно, продолжает видеть тот далекий солнечный день, пароход, себя, маленькую Зинушку, нижегородский кремль, пристань...

3.

Есть неохота. Спать тоже. Стало неохота и умирать. Хочется снова уйти в те далекие и такие близкие воспоминания, уйти навсегда и не возвращаться. «А что же было на этой самой нижегородской пристани?» — спросила она и начала припоминать.

Зацепили пароход толстыми канатами. Подтянули к пристани. Офицер в белом мундире с саблей прошел к капитану. Отдал честь. Протянул большой пакет. Капитан прочитал. Они пожали друг другу руки. Офицер махнул другому, видать помладше чи-

ном, который был на берегу. Тот командовал, и солдаты стали подниматься на паром. Потом закатили несколько пушек. Потом была большая суeta. Солдаты размещались в трюме, в каютах нижней палубы. Офицеры на верхней палубе. Заносили мешки, ящики. Было это так долго, что Зинушке захотелось спать. Она уснула и проснулась в каюте. Пароход плыл по Волге. Рядом посапывал братишка — Герман. Был он на два года моложе Зинушки, а рядом с ним не спала, хлопала глазками и помалкивала Любашка. Совсем маленькая их сестричка. Ей не было еще и двух лет.

Родители не стали раздевать Зинушку. Должно быть, опасались, что проснется. Потому лежала она в своем платье. Тихонько поднялась с кровати, чтобы не разбудить младшеньких, так же тихо отворила дверь, вышла в коридор, а уже оттуда побежала на палубу. Багровое солнце садилось далеко за рекой в неведомом лесу. Значит, скоро будет ужин. Все рассядутся в кают-компани. Прочитают молитву. Батюшка перекрестит трапезу, потом станут есть, а уже потом принесут вкусный компот и каждому на маленькой тарелочке сдобную булочку. А пока отец и матушка разговаривали и смотрели на берег, на маленькие деревянные домишки, на костры, в которых рыбаки, должно быть, варили уху или что-то еще.

Зинушка подкралась к родителям, хотела их напугать, но матушка оглянулась, и не получилось. Тогда она засмеялась и пустилась наутек. С берега донеслась песня. Была она протяжной, тоскливой, совсем не похожей на песни, которые пели в деревне, у дедушки и бабушки, когда водили хороводы. Ей стало страшно. Зинушка подбежала к родителям. Обняла матушку за подол, заплакала. Отец поднял. Посадил на руку. Поцеловал в лоб. Спросил:

— Что, маленькая, печальная песня? — Зинушка только теперь сообразила, что заплакала от песни. — Вишь, маленькая, рыбаки ужин готовят на кострах, а бурлаки еще тянут баржу на лямках. А как совсем темнеть станет, только тогда на барже бросят якорь, и они останутся на ночлег. Тяжелая у них работа. Не дай-то Бог такую.

Отец покачал головой, перекрестился и тихо, только для жены и дочурки начал читать стихотворение:

*Выдь на Волгу: чей стон раздается
Над великою русской рекой?
Этот стон у нас песней зовется —
То бурлаки идут бечевою!..
Волга! Волга!.. Весной многоводной
Ты не так заливаешь поля,
Как великою скорбью народной
Переполнилась наша земля...*

Зинаида Филипповна с детства помнила это стихотворение с названием «Размышления у парадного подъезда». Помнила, как его тогда на пароходе читал отец. Читал тихо, чтобы не услышали посторонние, почти без выражения, а ей казалось, что громко, так громко, что проникает в самое сердце.

Теперь Зинаида Филипповна совсем по-другому воспринимала этот стих. Теперь он не казался таким уж правильным и обличающим, как потом, в юности. Она проворчала:

— Не такой уж и хороший поэт этот ваш Некрасов. Ударение не удосужился правильно поставить — «бурла́ки». Это называется поэтическая глухота. А ведь легко было сделать правильно, написав: «Бурлаки́ то идут бечевою». И ритм сохранил бы, и ударение правильно стояло бы. Да вот, не услышал, не сообразил. Ну да бог с ним, с этим Некрасовым.

Она включила телевизор. Телевизор был новый, современный. Внучок купил. Не какую-то старую рухлядь из дома притащил, вместо нового, который купил себе, а специально для неё купил новый, такой, чтобы ей было удобно пользоваться. Пульт большой, с крупными цифрами на кнопках. И кнопки большие, чтобы удобно переключать каналы. Чтобы не промахивалась. Толковый внук, вообще-то не внук, а правнук, но ей проще было говорить внук. Короче, а суть та же.

«Толковый внук, — еще раз подумала она, — все предусмотрел. Только одно не учел, что чепуха и глупость на всех каналах. И смотреть и слушать эту чепуху неинтересно. Токуют, будто глухари, на всяких ток-шоу. И название-то соответствующее для них. Разве что по «Культуре» иногда интересные передачи да про животных. Да еще про жизнь в разных странах».

Она выключила телевизор. Подошла к окну. Посмотрела вдаль. Мимо высоких недавно построенных домов, которые прозвали человеичниками. Смотрела туда, где заходило багровое, как в тот вечер, давным-давно на пароходе, солнце. Наступила тишина, такая, что стало слышно тиканье часов. Защемило сердце. Зинаида Филипповна мелкими шажками добралась до кресла. Отхлебнула воды из стоящей на широком де-

ревянном подлокотнике чашки. Отдышалась. Сердце успокоилось. Она вспомнила улышанную давно фразу про то, что жизнь — как бульдог: ухватилась зубами, треплет, швыряет в разные стороны, но не отпускает. Подумала: «Это вообще-то хорошо, что пока не отпускает. Значит, еще поживу». Ухмыльнулась пришедшему в голову старому анекдоту: «Доктор, я жить буду?» — «А смысл?» Когда-то над этим анекдотом смеялась.

Кроме военных, в Нижнем Новгороде на пароход пришла пара. Женщина со строгим взглядом в платье с кружевным воротничком и солнечным зонтиком и её муж в клетчатом костюмчике и котелке.

За обедом в кают-компаниии они оказались невдалеке. Женщина сидела, прямо держа спину. Именно так, как родители учили сидеть Зинушку. Она осторожно черпывала ложкой суп, аккуратно, не пролив ни капельки, подносила ко рту и ела. Зинушка незаметно подсматривала. Ей нравилось, как эта красивая женщина ест. Хотела научиться так же. На мужа ей смотреть было неприятно. Он ел, как зверек. Когда официант наполнил его тарелку и отошел, пожелав приятного аппетита, вместо того чтобы поблагодарить, буркнул невнятно, нагнулся к тарелке, понюхал, быстро посмотрел по сторонам и начал хлебать не отрываясь. Жадно, будто того гляди отнимут. Короткие усики вымазались в еде, топорщились. Зинушка подумала: «Жрёт, как крыса». Не удержалась, шепнула про это мамушке на ушко.

— Не смей такого говорить, — прошептала мать, — это твои будущие учителя. Едут, куда и мы, в Мешхед, в школу при посольстве. Они наверняка хорошие люди. А что так ест, видать, в детстве не научили, но ничего, видишь, какая у него жена, со временем подскажет, как надобно кушать красиво, глядишь, и научится.

4.

После Нижнего была череда городов, которые Зинушка не запомнила. Запомнила Астрахань. С большими базарами, несметным количеством лавок, в которых продавали рыбу, свежую, только выловленную, и вяленую, нанизанную, будто огромные бусины, на бечевки. Рыбины лоснились и казались почти прозрачными от жира. Вспоминала, как прямо возле них вспороли брюхо огромному осетру и вытащили и вывалили целое ведро икры. Черные до синевы, блестящие и переливающиеся на солнце огромные икринки походили на жемчужины. Икру круто посолили и взбили, отделяя от пленки, и предложили им отведать. Такая икра показалась невкусной, воняла рыбой, а вот высушенная и прессованная паюсная — понравилась.

В Астрахани тоже стоял кремль. Он показался Зинушке поменьше, чем в Нижнем, да и башни были пониже и меньше числом. Башни у него были не красные кирпичные, как у нижегородского, а белые.

Здесь же она впервые увидела верблюдов. Очень удивилась таким странным животным, поначалу пугалась, но быстро привыкла. Одни стояли запряженные в двухколесные телеги с большими колесами, у других по бокам свисали тюки, набитые каким-то товаром. Возле верблюдов сновали одетые в халаты погонщики или хозяева. Люди эти не были похожи на тех, которых она знала или видела дома. Темные желтоватые лица с прищуренными узкими глазами казались хитрыми и злыми, даже когда улыбались. Говорили они на своем языке. Зинушка начинала понимать, что они едут в другую страну, к другим, неизвестным людям. От этого становилось страшно. Она прижималась к матери, отцу. Все время держала их за руку и, обычно разговорчивая, помалкивала.

Чтобы отвлечь её, отец рассказывал, что в древности у Волги были другие названия — Ра, Итем, Идиль, Итиль.

— А Каспийское море, по которому мы скоро поплывем, на Руси называлось Хвалынским, а у персов и арабов Хазарским, — продолжал отец.

Слушая, Зинушка успокоилась, стала задавать вопросы:

— Папочка, а оно большое, это Каспийское море?

— Большое, доченька, большое. Царь Петр Великий, почти двести лет назад, повелел его измерить. Морские офицеры установили, что ширина почти четыреста верст, а длина больше тысячи.

— А тысяча верст — это много?

— Много. Это половина от того, сколько мы на пароходе плыли.

— Ого, сколько!

За разговорами они подошли к пристани. К их пароходу прицепили баржу, и на неё казаки по мосткам заводили коней, грузили мешки, бочки, ящики.

Было видно, что казаки любят коней, успокаивают их, относятся, почти как к детям. Двух, должно быть самых красивых, привели на пароход, разместили на корме.

Зинушка хотела подойти, потрогать лошадей, родители долго не разрешали, она упростила. Казаки, наверное, соскучившись по своим семьям, приняли её, как дочку. Разрешали угощать коней морковкой, ещё чем-то, вспомнить она потом не могла. А ещё сажали верхом без седла и, поддерживая, совершали маленькие прогулки по палубе. Зинаида Филипповна всю жизнь помнила тепло и доброту, которую излучали и эти люди, и кони. Потом в самые тяжелые, безысходные дни они приходили ей на память. Становилось спокойнее и легче на душе.

Детская память не могла вместить столько впечатлений, и Зинушка часто плакала и много спала. Она помнила, как плыли в море. Знала, что должны были останавливаться в Дербенте, потом в Баку и каких-то портах в Персии, но вспомнить не могла. Помнила только про казаков, как они катали её на своих конях. Да ещё как на пароход загрузили огромную кучу полосатых арбузов. Все, и пассажиры, и команда, и военные, их ели, и куча постепенно уменьшалась, уменьшалась и закончилась. Кто-то из команды тогда сказал:

— Вот так и вся жизнь — полосатая, иногда немного сладкая и быстро заканчивается. Она не поняла, о чем это было сказано, но почему-то запомнила...

Не помнила Зинаида Филипповна, как семья после моря добиралась в Мешхед. Помнила, что когда въехали в город, их повозка долго петляла по кривым узким улочкам, что в стенах домов почти не было окон, а сами дома выбелены или просто обмазаны глиной. Помнила, что возница ругалась, когда навстречу выезжала другая повозка. Спорил с тем извозчиком, кому уступить дорогу. Наконец, проехав почти через весь город, добрались. Кто-то открыл ворота, и они въехали во двор. Ворота тут же закрыли. Вышли из повозки и очутились в красивом саду. На деревьях висели мандарины, гранаты, другие плоды, названия которых Зинушка не знала. Поодаль виднелся отгороженный птичник. Кудачтали куры, гоготали гуси, кричали утки. Еще дальше был небольшой, но и немаленький пруд. А совсем вдалеке огромный сарай, амбары, еще какие-то постройки. Все было ухоженным, чистым, аккуратным. За всем следили работники, а их было немало.

Просторный дом с большими окнами и террасой показался ей, маленькой девочке, дворцом из сказки. На пороге встречал высокий стройный перс в чалме и белой одежде.

— Это Махмуд, мой помощник, — представил его отец, — человек образованный, знающий и порядочный. Он единственный, кто говорит по-русски.

Махмуд улыбнулся, слегка поклонился и объяснил:

— Мой отец много лет жил в России. Я был с ним, учился в русской начальной школе, потом в частной школе и университете, но не окончил его, семья вернулась в Персию. Здесь работал переводчиком в вашем генеральном консульстве. Генеральный консул рекомендовал меня вашему батюшке, и я согласился помогать ему в закупке шерсти, да и в остальных делах.

Говорил Махмуд без акцента, и если бы не персидский наряд и чалма, то никто бы и не догадался, что перс. Он проводил семью в дом. Сказал что-то на персидском слугам, и те начали заносить в дом чемоданы и сундуки.

Когда осмотрели большую гостиную, детские комнаты, спальни, кабинет, отец сказал:

— Все это куплено Морозовыми, принадлежит им и передано нам для работы и проживания. Здесь мы и будем жить.

Никто из них тогда не догадывался, что скоро начнется Первая мировая война, потом в России произойдет революция, Гражданская война, вернуться домой будет невозможно. Жить в этом доме им предстоит больше пятнадцати лет.

Зинушка навсегда запомнила теперь далекий дом в далекой стране, давно изменившей свое название. Запомнила каждую комнату, каждый коридор, чулан с маленьким окошком, единственным, выходящим на улицу. Свой столик, за которым совсем маленькой играла в самодельные куклы, а потом, когда училась в школе, делала уроки и читала книжки. Запомнила каждый предмет. Все это стало для неё родным. Остальные дома и квартиры, в которых предстояло потом жить, Зинушка — Зинаида — Зинаида Филипповна, помимо своей воли, сравнивала с этим домом и в мыслях называла «наш дом». В этом нашем доме жила дружная большая семья, умные, добрые родители. В нем всегда оставались живы папа и мама, сестренки и братишка. Взрослые работали, дети учились и помогали старшим. В этом доме все уважали и любили друг друга, слушали и слышали друг друга. В нем было счастье.

Но Зинушка тогда ничего такого не знала. Она была непослушной, попадала в разные истории, и было родителям с ней совсем непросто. Много со временем забылось, но многое осталось в памяти.

5.

Отец был почти все время в разъездах. Он, вместе с Махмудом, договаривался о поставках шерсти и хлопка, о том, в каком виде, какого качества и куда привозить. Он знал, что персы могут наобещать чего угодно, а потом все окажется не то и не так. Потому все организовывал и многократно проверял сам или доверял только Махмуду. Постепенно закупка шерсти, чуть позже хлопка, была приведена в порядок. Заготовку и отгрузку в Россию стали вести хорошо обученные люди, и у отца появилось чуть больше времени для семьи.

В первые месяцы детям не разрешали не то что выходить со двора, но даже выглядывать на улицу. К весне родители освоились на новом месте и стали брать их с собой сначала на базар, который был поблизости от дома, а потом и подальше, в центр города.

Зинушка запомнила, как с отцом первый раз вышла в город. Сначала они шли по безлюдной, грязной улице вдоль длинной глиняной стены соседнего дома. Возле закрытых ворот лохматая собака обглаживала кости то ли кошки, то ли маленькой собачонки, клочки шкурки которой валялись рядом в пыли. Они обошли эту собаку, та порычала, но даже не залаяла. Затем свернули в переулок, потом в другой и по таким же грязным, кривым, как первая, улочкам пошли дальше. Людей не было. Один раз встретился перс в длинном халате, который не спеша вел ишака со здоровенными кувшинами, из которых выплескивалась вода. Пыль, грязь, жаркое солнце и высокие стены, это все, что запомнилось. Но скоро по шуму и гомону Зинушка поняла, что базар уже близко. Чем ближе подходили к нему, тем больше встречалось людей.

Встретился старик, который сидел на земле, а бородатый перс брил ему голову. Но не всю, а только макушку. Он плевал прямо на эту макушку, ножом соскребал волосы и стряхивал их на дорогу. Когда окончил, намочил тряпку водой, обтер старику лысину, в два зеркальца показал результат. Старик кивнул, дал сколько-то монет и ушел. А этот цирюльник стал громко кричать, должно быть, других зывал бриться.

Этого перса Зинушка потом много раз видела на том же месте возле базара. Однажды к нему подошел не старый мужчина, оголился до пояса, а тот маленьким ножиком быстро сделал ему разрезы на шее и спине между лопатками. Оттуда закапала кровь в маленькие миски. Две миски возле шеи держал сам мужчина, а третью — этот парикмахер. Отец объяснил, что это называется хаджима. Ислам её одобряет. Люди здесь, за отсутствием нормальных врачей, так лечатся от многих болезней.

— И что, вылечиваются? — удивилась Зинушка.

Отец пожал плечами:

— Иногда помогает. Но ты видишь, кто это делает и в какой грязи. Думаю, что по большей части вредит, чем лечит. Но нам, православным, здесь лучше свое мнение держать при себе.

В другой раз недалеко от базара они встретили дервиша. Этот дервиш, казалось, дремавший на обочине, вскочил перед ними, загородил дорогу, взметнул руки к небу и заголосил. Зинушка испугалась. Изо всех слов она разобрала только: «Аллах, Али, акбар». Взгляд дервиша показался страшным, а вид ужасным. Из одежды на нем была потемневшая от грязи овечья шкура с дырками для рук и широченные, такие же грязные шаровары. Должно быть, он недавно ел арбуз, сок стекал, и к засохшим потекам на волосатой груди и животу прилипла пыль. Он размахивал палкой, черная борода, всклокоченные волосы до плеч и шерсть на овечьей шкуре подпрыгивали вместе с движениями. Зинушка схватила за руку отца, прижалась, уткнулась в него, но исподтишка подглядывала, что этот сумасшедший делает. Она боялась, что он набросится на них, начнет колотить палкой, а может, просто вытащит откуда-нибудь нож и зарежет. Но дервиш только тряс палкой над головой и зывал к небу. Отец вытащил из кармана монету и бросил ему. Дервиш поймал свободной от посоха рукой, прекратил стенания, вернулся на свое место, закрыл глаза и задремал, будто и не перегораживал им путь несколько секунд назад.

Когда они отошли на несколько шагов, отец сказал Зинушке:

— Не бойся их. Они по большей части безобидные. Идут на богомолье. Просят милостыню, чтобы прокормиться. Но держаться от них все же стоит подальше. Уж больно грязные. Заразу можно подхватить.

Встречали они и факиров, которые устраивали вокруг себя представления, рассказывали разные небылицы про подвиги героев или сказки. Когда собиралось много народа, они начинали играть на дудочке, и непонятно почему из корзины, стоящей возле факира и накрытой полами широкого халата, начинали выползать змеи. Эти змеи приподнимались над землей, извивались в такт его неторопливым движениям. Зинушке от этого сначала становилось страшно, но потом привыкла, а через год, когда немно-

го подросла, стала прибегать сюда сама.

Однажды факир, который давно приметил маленькую европейку, подозвал её и спросил, хочет ли она потрогать змею. Зинушка уже прилично говорила по-персидски и ответила, что хочет, но боится. Факир показал, как надо брать змею, чтобы не смогла ужалить, и сказал:

— Попробуй. Не бойся, думай, что берёшь не змею, а веревку, но бери крепко, чтобы та не вывернулась и не ужалила.

Зинушка набралась смелости и взяла. Она почувствовала холодную, сухую, совсем не скользкую, как казалось, чешую, под которой, должно быть, скрывались сильные мышцы. Держала змею Зинушка крепко, но не настолько, чтобы раздавить.

— Молодец, смелая девочка, — похвалил факир. — А теперь отведи руку подальше от себя и спокойно опусти змею на землю, — Зинушка так и сделала. Змея отползла чуть в сторону и приподнялась. — А теперь топай ритмично, но несильно, ногой, — улыбнулся хозяин змеи, — она испугается и не станет нападать на тебя. Но помни, со змеями надо быть всегда настороже, — факир засмеялся и на ухо Зинушке, так чтобы не слышали остальные зрители, прошептал: — Мою пунги змеи не слышат, они её видят, и дудочка эта в моих руках кажется им зверем, который может напасть, потому и поднимаются, чтобы нагнать на меня страх и я побоялся на них накинуться. А люди не знают этого, и так им интереснее смотреть. Змеи пунги видят, когда я её двигаю, и сами эти движения повторяют, чтобы не упустить, когда зверь набросится, но они не слышат. А вот стук ног слышат. А теперь, малышка, беги. Но всегда помни, со змеями надо быть всегда настороже. И с этими, и особенно с двуногими.

Факир засмеялся. Зинушка поклонилась ему, как учил мулла в школе, и убежала.

Что за двуногие змеи, Зинушка поняла много лет спустя. А тогда только запомнила слова, запомнила, как впервые в жизни пересилила страх, взяла змею, почувствовала свою власть над ней, страшной, опасной, беспощадной. Почувствовала, что можно управлять этим, да и, наверное, любым существом, если пересилить страх.

Базары в Мешхеде Зинаида Филипповна запомнила как толпу людей, толкающих в узких промежутках между стоящими напротив друг друга рядами лавок. Чтобы не погибнуть от палящего солнца и создать хоть какое-то подобие тени, торговцы натягивали между рядами где брезент, где старый холст. Но по большей части делали это из сплетенного камыша или тростника.

В лавках торговали золотыми и серебряными колечками, сережками, цепочками, тканями, коврами, всякой утварью, всем, что можно и нельзя продать. Для каждого вида товаров были свои ряды. Зинушка любила рассматривать сделанные чеканщиками кувшины и вазы с красивыми узорами, перстни с разноцветными камнями, вырезанные из кости фигурки животных, ковры, шелка и шерстяные ткани. Да много еще чего интересного было в рядах, особенно тех, в которых варили и торговали горячей, только сделанной едой. Любой мог, заплатив монетку, получить только испеченный лаваш и похлебку, плов, который накладывали прямо на лаваш. В отдельных рядах торговали овощами, фруктами. Множество вкусных, только поспевших или высушенных персиков, абрикосов, груш, инжира, изюма лежали горами на прилавках. Галдеж и шум в рядах не смолкали от восхода до заката солнца.

Бездомные, всегда голодные собаки сновали между ног, хватали и сжирали упавшие куски всего съедобного. Зинушка видела, как собаки почти сразу начали отрывать куски от старого, только что сдохшего осла, брошенного хозяином в проулке возле базара, и через час, когда они с отцом возвращались домой, от этой падали почти ничего не осталось. Слуги говорили, что по ночам собаки сбиваются в стаи, могут напасть на человека, покусать или даже загрызть насмерть.

Всюду на базарах была вонь от гниющих еды и воды, всюду грязь. Даже поблизости от мечетей. С минаретов в положенный час муэдзин призывал к молитве, и все правоверные, в том числе и торговцы, прекращали торговлю в лавках, совершали омовение в ближайших каналах, разворачивали коврики, чтобы не попасть на оскверненную — нечистую землю, размещались на них лицом в сторону Мекки и начинали молиться.

Зинушке нравилось смотреть намазы. Когда стала почти взрослой, упросила родителей купить паранджу и, скрывая себя под ней, стала заходить в мечети и молиться, соблюдая все правила. Зина знала, что если догадуются или узнают, кто она, её могут не просто убить, а гораздо хуже — её могут или разорвать на куски разъяренные фанатики, или посадить в мешок, бросить туда дикую кошку, и та будет царапать и рвать её на кусочки. Но какое-то чувство азарта, желание рискнуть и не попасться, сидело в ней, подталкивало рисковать.

6. ШАХСЕЙ-ВАХСЕЙ

Зинушка тогда училась во втором или третьем классе школы при консульстве. От школы до дома — минут двадцать легким детским шагом. Учиться ей нравилось. Священник, отец Павел, преподавал закон Божий и был самым любимым из учителей. Он дружил с отцом, часто бывал в их доме, рассказывал интересные истории из Библии и еще более интересные из жизни. Русский и английский преподавала Татьяна Ивановна, с которой она познакомилась давным-давно, еще до школы, на пароходе. Арифметику и фарси — Иван Григорьевич, её муж. Его Зинушка недолюбливала. Недолюбливала с самого первого раза, как только увидела. Но складывала, вычитала, умножала и делила легко. Таблицу умножения знала и задачки решала быстро. А фарси вообще был любимым предметом. Говорить Зинушка научилась еще до школы. Научилась у детишек на улице возле дома, от служанки, Махмуда — помощника отца, у всех персов, которые приходили в их дом или встречались в лавках и на базаре. Слова, выражения, да и все остальное, связанное с языком, запоминала мгновенно. Иван Григорьевич научил писать, читать и любил на уроках разучивать с детишками стихотворения на фарси. Мулла, который тоже преподавал в школе, был самым строгим и нелюбимым. Но Зинушка легко запоминала то, о чем он рассказывал, любила одеваться в мусульманские одежды, знала мусульманские молитвы, без акцента, правильно говорила, молилась и читала суры из Корана. Для неё это было понарошку, как в самодеятельном театре при консульстве, в котором ставили спектакли и играли почти все взрослые. Даже жена консула.

В самом конце сентября встревоженный Махмуд пришел вечером к отцу. Они долго говорили. Отец кивал, задавал вопросы. Махмуд отвечал. Зинушка видела это через открытую дверь кабинета. В конце разговора поднялись, отец поблагодарил, Махмуд ушел, а отец, охватив голову руками, сидел в кабинете и вышел, только когда матушка позвала на ужин. После ужина он попросил всех остаться и сообщил, что начинается запретный месяц мухаррам.

Мулла рассказывал и Зинушка знала, что пророк Мухаммед говорил, что после рамадана лучшим для поста является месяц мухаррам — один из четырех запретных месяцев. Почему этот месяц запретный, она не знала, а что в этот месяц нельзя поступать несправедливо, надо сражаться с многобожниками и что Аллах помогает богобоязненным и всегда с ними, знала. Правда, она не понимала, кто такие многобожники и кто такие неверные. Мулла рассказывал и Зинушка помнила, что в этом месяце, десятого мухаррама, был убит имам Хусейн, сын четвертого халифа Али ибн Аби Талиба, первого имама шиитов, внук пророка Мухаммеда. Были убиты и его дети, а потому это день большого траура.

Мулла совсем недавно рассказывал, что имама перед смертью долго мучили, и каждый мусульманин в этот день должен хотя бы чуть-чуть почувствовать, что выдержал внук пророка имам Хусейн, и тоже стать хоть ненадолго мучеником, а потому в этот день все правоверные шииты должны бить себя и превозносить скорбными возгласами праведного имама, восклицая: «Шах Хусейн, вах Хусейн», — что означает: владыка Хусейн, о, горе Хусейну! Говорил он, что если кто болеет сам или его близкие, то надо молиться Аллаху, дать обет и в десятый день мухаррама, когда наступит день Ашура и будет Шахсей-вахсей, выполнить полностью этот обет. Что такое обет, Зинушка не знала, а когда спросила муллу, тот посмотрел на неё строго и сказал, что ей об этом знать рано, что когда подрастет, тогда узнает.

Все это она тут же за столом высказала. Отец не ожидал таких познаний, удивлялся, не перебивал.

— А еще первого мухаррама мусульманский Новый год! — гордо закончила Зинушка.

Отец поднялся со своего кресла, подошел к ней и поцеловал в лоб.

— Как быстро ты выросла! Совсем взрослой становишься! — проговорил он, нежно погладил, улыбнулся и добавил: — Еще несколько лет, и станешь невестой. Все ты правильно рассказала.

— Так вот, — продолжил отец, — 10 октября будет большой праздник — день Ашура. И еще будет Шахсей-вахсей. Толпа народа, все, кто давал обеты, будут их выполнять, будут заниматься самобичеванием. Большинство впадет в транс. Махмуд предупредил, что в этом году у местной бедноты очень сильный настрой против неверных. Особенно англичан. Те умудрились осмеять религиозные обычаи мусульман, и муллы в проповедях подогрели народ против них. Махмуд говорит, что если начнутся погромы, то толпа не станет различать, где англичане, где мы, русские православные. А потому, лучше в этот день не выходить на улицу, да и во дворе и в саду не надо появляться. Махмуд советовал укрепить ворота и двери, а единственное маленькое окно кладовой, которое выходило на улицу, закрыть ставнями, и сказал, что принесет в дом

и приготовит заранее еду и воду. А консул еще утром сказал, что наши военные будут наготове и в случае бунта защитят.

— Почему, — спросила Анистья Дмитриевна, — в прошлые годы было спокойно, а в этом такое? Мы же всегда уважительно относились к магометанству.

— Дорогая моя жена, когда начнется бунт, разбирать никто не станет. А потому очень важно не привлечь внимание толпы. Она пройдет по нашей улице, и если мы не привлечем внимание, то уйдет дальше. И всё, дай-то Бог, обойдется. А ежели не обойдется, то будем защищаться. Я на всякий случай заряжу все ружья. Но надеюсь, что, как говаривал у Пушкина капитан Миронов: «Бог не выдаст, свинья не съест». Так что, Зинушка, с завтрашнего дня в школе занятия отменены. Будете все сидеть дома и вести себя тихо-тихо, дабы не привлекать ничьего внимания. Понятно?

Зинушка и остальные сказали: «Понятно», — и встревоженные разошлись по комнатам спать.

Еще за день до Шахсей-вахсея ставни на окнах, даже тех, которые выходили во двор, закрыли, но в щелочку ставни единственного, выходящего на улицу маленького оконца чулана был виден большой кусок улицы. Любопытная Зинушка заметила эту щелку и решила подсмотреть шествие.

Гул многотысячной толпы, вопли, крики, грохот ударов были слышны задолго до появления людей. Гул нарастал постепенно, а потому, когда появились первые люди, она не испугалась.

Впереди неторопливо шел мулла и на фарси, медленно, но громко, почти крича, рассказывал о мучениях Хусейна. Зинушка отчетливо разбирала каждое слово. Чуть после она увидела несколько человек в цветастых одеждах. Они на носилках несли на плечах большой ящик. Потом в один длинный ряд шли еще несколько мулл. Среди них был и тот, который преподавал у неё в школе. Когда первый и, наверное, главный мулла замолк, остальные начали читать молитву. Молитву подхватила толпа. «Ну и что, ничего особенного. Ничего страшного», — подумала Зинушка и в этот момент увидела множество раздетых по пояс окровавленных людей. Одни били себя многохвостыми плетками. Кровь летела в разные стороны при каждом взмахе плетки. По бородам текли струйки крови. А они били себя и били. При каждом ударе эти люди стонали, вскрикивали от боли, поднимали головы к небу и молили Аллаха. У многих плеток в концы веревок были вплетены железные крючки. Эти крючки впивались в кожу и раздирали её. Из ран текла кровь, а они стонали, прославляли имама Хусейна и Аллаха. Кричали, что выполнят до конца данный обет и просили Аллаха исполнить их просьбы.

Толпа проходила мимо дома, и Зинушке, глядя на этих изувеченных людей, от их крови, становилось страшнее и страшнее. Появились такие, у которых вместо веревок на плетках были цепи, на концах которых вделаны ножи или железные шары с шипами. Потом мимо окна стали проходить ряды полуголых, которые били себя по лбу железными палками. Лбы превратились в кровавое месиво, а они колотили и колотили себя. Некоторые вместо палок били себя по голове саблями. Зинушка от ужаса окаменела. Не могла шелохнуться. Страх сковал её тело. Она шептала: «Господи Иисусе, спаси и сохрани меня. Спаси и сохрани». А толпа шла и шла. Проходили страшные люди с продетыми сквозь кожу на груди и боках большими иглами, медными и железными кольцами, гвоздями. По черным от запекшейся крови телам стекала кровь. Пыль на дороге пропитывалась ей. Толпа месила эту кровавую грязь, брызги налипали на штаны, сползали по ним на дорогу, люди шлепали ногами, и брызги снова взлетали вверх. Зинушка в полубормороке сообразила, что вначале проходили те, которые истязали себя самыми мучительными способами, а теперь уже шли другие, не голые по пояс, а в рубахах. Эти ударяли себя в грудь кулаками, вскидывали руки вверх и кричали, прославляя имама и Аллаха. Толпа была нескончаемой. Прошло неизвестно сколько, но, как ей казалось, бесконечно много времени, и на дороге появились обыкновенные, нарядно одетые люди. Они размахивали руками, кричали молитвы или прославляли имама Хусейна. С такими персами Зинушка встречалась каждый день. Только в глазах у этих было какое-то безумие. Они шли зачарованные, вскидывали руки, кричали, били себя в грудь. Это повторялось и повторялось. У Зинушки закружилась голова, ей стало невыносимо плохо. Она хотела отойти от своей щелки, но не могла. Ноги не двигались. Будто приросли к полу. Вдруг несколько одетых в белые рубахи мужчин подбежали к падавшему от изнеможения бородачу, хлеставшему себя, выхватили у него плеть с цепями, разорвали свои рубахи и начали хлестать себя. Их тела мгновенно покрылись ранами, брызги полетели в стороны. Они как безумные заорали и побежали к началу толпы. Это случилось совсем рядом с её щелкой. Она видела обезумевшие их глаза, видела, как крючки на конце цепи раздирают кожу, из неё вылетает кровь и летит ей в лицо. Зинушка оцепенела. Ей показалось, будто она не в доме, а там, на улице, среди обезумевшей толпы, что кровь заливает её лицо, течет по телу, а саму её, маленькую,

беззащитную, хлещут плетью страшные бородатые дядьки. От ужаса и боли она упала на пол. Потеряла сознание. Когда очнулась, улица была пуста, шум толпы доносился откуда-то издалека. Потом стих. Она хотела встать, но снова потеряла сознание.

Пришла в себя в постели. На голове было мокрое, холодное полотенце, а рядом сидела матушка и грустными глазами смотрела на дочку. Рядом в тазу с водой лежало другое полотенце, бледно-розовое от крови. Мать увидела, что дочка открыла глаза, позвала доктора. Тот подошел, взял Зинушкину руку, помолчал, поцеловал девочку в лоб. Улыбнулся. Сказал, что, слава Богу, обошлось. Кризис миновал. Потом спросил Зинушку:

— Ну, как ты, дитя, себя чувствуешь?

— Хорошо, — ответила та и удивилась, что говорит тихо-тихо.

— Вот и славно. Напугала ты родителей. Да и меня напугала, — он помолчал, отпил воды из стакана на столике рядом с кроватью и продолжил: — Тебе, малышка, здорово повезло. И должен заметить, теперь будет везти всю жизнь. У тебя оказались слабые сосуды в носу. Лопнул именно этот сосуд, когда давление от возбуждения поднялось до угрожающих размеров. А вот если бы лопнули сосуды кровеносные в головном мозге, то был бы удар и, скорее всего, тебя уже не было бы на этом свете. Так что, красавица, молись господу нашему и родителям за то, что родилась такой. Да постарайся больше не переживать настолько сильно, а то, неровен час, не помогут и сосуды в твоём симпатичном носике.

— А почему я так тихо говорю? — спросила Зинушка.

— А ты, миленькая, ослабела. Не ела-то три дня, пока была без сознания. Теперь матушка тебя покормит куриным бульончиком, а немного позже можешь встать и уже поесть поосновательнее, но не чрезмерно. Да побольше пей соков и ешь фрукты. Благо их тут немало. Ну, кажется, обошлось, слава Богу! — доктор перекрестился и вышел из комнаты.

Еще долгие годы, редко-редко, Зинаиде Филипповне снился сон с этим шествием. Снилось, что толпа наступает на неё, кричит «Шахсей-вахсей», хлещет окровавленной плетью. Она просыпалась в поту. Знала, что сон вещий, не к добру, и после него, через несколько дней, обязательно произойдет что-то нехорошее

7.

Молодой, сильный, здоровый организм быстро поправился. Зинушка выздоровела и через несколько дней стала, как ни в чем не бывало, ходить в школу. Про то, что она подсматривала Шахсей-вахсей, никому не говорила. Знала, что детишки разболтают и ничего хорошего не будет. Особенно если узнает мулла. Она быстро выросла и уже тогда стала понимать, что не всегда с чужими людьми можно откровенничать, что зачастую лучше помалкивать.

В школе преподавали не только русский, персидский, английский, но и немецкий, французский языки. Это и неудивительно, школа была при дипломатической русской миссии. Большинство из тех, кто в ней работал, знали эти языки и, чтобы попрактиковаться, преподавали детям. Когда Татьяна Ивановна заболела и не смогла преподавать, английским с учениками стала заниматься настоящая англичанка из английского консульства, которое, как и русское, было в Мешхеде. Генеральные консулы, несмотря на политическое соперничество их стран, состояли в приятельских отношениях. Друзьями и многие сотрудники посольств.

Постепенно маленькая девочка Зинушка выросла. К девяти годам она почти в совершенстве знала фарси, отлично говорила и писала по-английски, прилично — по-французски. Хорошо понимала немецкий.

Жизнь в русской колонии в Мешхеде не отличалась особым разнообразием, и сотрудники консульства в свободное время рассказывали ученикам о странах, в которых побывали до работы в Персии, об истории государства Российского. Подробно и доступно описывали политическую ситуацию в мире. О роли России в мировых делах, о её целях и устремлениях, о врагах империи. Объясняли ученикам, какое значение для России имеет Персия. Как сходятся и расходятся здесь отношения России, Великобритании, Турции, Германии.

Все это слушала и запоминала Зинушка. Запоминала навсегда. Помнила даже теперь, когда давным-давно стала Зинаидой Филипповной. Конечно, потом всю жизнь она узнавала больше и больше, постоянно дополняя фактами и новыми сведениями эти рассказы умных и сведущих людей, любивших свою родину и честно служивших ей.

8.

Сердце стучало часто и громко. Зинаида Филипповна проснулась. Нет, оно не болело. Слава Богу, просто громко стучало. Подумала: «Должно быть, приснилось?» На

всякий случай посчитала пульс. Нормальный. Значит, все-таки приснилось. А вот там, на Западной Украине, в маленькой деревушке на выселках, не приснилось.

Здесь было темное осеннее утро. Если, конечно, верить зеленым цифрам на часах. Солнце и не думало всходить. За окном о жестяной отлив постукивали редкие капли. Под одеялом в постели было тепло и спокойно. Вставать не хотелось, она лежала и вспоминала.

Это случилось в сорок четвертом году. Тысяча девятьсот сорок четвертом. Такой же, как сейчас, поздней осенью, почти зимой, но снега еще не было. Она только-только прибыла из Киева на Западную Украину в город Каменец-Подольский. Туда направили для восстановления потребительской кооперации после фашистской оккупации. Это было официальной легендой. На самом деле, основной задачей было выявление фашистских агентов. Тех, которые или не успели сбежать, или были законспирированы.

Город поразил старинным замком на каменистом холме, рекой, окружавшей его, полуразрушенными мостами и старинными домами, Наверное, до войны делавшими город неповторимо очаровательным. Но любоваться архитектурными руинами, оставшимися от красавца города после фашистских бомбежек, и красотами окрестностей было некогда. Надо было работать, чтобы прокормить и сына, и себя. Никакого пайка на время конспиративной работы, естественно, не давали. Иначе раскрыли бы мгновенно.

Володе хотя и хорошо было в интернате, сытно под постоянным присмотром воспитателей, но воспитатели воспитателями, а оставаться надолго без сына Зинаида не хотела. Потому и взяла его с собой на Западную Украину. Сын к этому времени окреп и подрос, стал почти взрослым. Понимал, что язык надо держать за зубами.

Свободная квартира подвернулась сразу. Была эта квартира обставлена шикарной мебелью. В шифоньере висела дорогая одежда. В кладовке полно муки, консервов, в погребе масло, копчености. Зинаида испугалась такого изобилия. Попросила переселить ее куда-нибудь попроще, но прихрамывающий милицейский капитан, живший по соседству, сказал:

— Не бойся, Зинаида Филипповна. Сына своего откармливай, пока есть чем. Чего не съешь, вывезет мое начальство на днях, а пока отъедайся. Тут раньше жила любовница фашистского коменданта, да сбежала, когда мы брали город. А потом квартировала вроде как жена нашего коменданта. Того перевели куда-то, и она тоже сгинула вместе с ним. Так что не бойсь. Пользуйся.

Зина кивнула. Вечером напекла блинов, сделала пирог, и впервые за много месяцев заснули не на голодный желудок. Но дня через два приехала машина, и все, что было, вывезли. А еще через неделю в местное отделение НКВД поступили документы из более строгого ведомства, и с ней встретился сотрудник СМЕРШа, пришедший в квартиру вроде бы для проверки документов.

Она должна от конторы «Заготскот», куда официально была направлена на работу, объехать окрестные районы, чтобы определить, сколько скотины в этих местах могут сдать на мясозаготовки. На самом же деле поставили задачу выяснить, у кого из местных связь с бандеровцами, бывшими полицейскими и прочими бандитами. Бандиты озверели. Пытали, а потом убивали только что избранных председателей сельсоветов и колхозов. Убивали направленных в школы учителей, жгли амбары с зерном. Запугали людей. Одного председателя сельсовета заживо сожгли, другого распяли на воротах собственного дома. В председатели никто идти не хотел. Приезжавшие отряды НКВД найти бандитов не могли. Те будто растворялись в лесах и горах.

В СМЕРШе считали, что одним из бендеровских лежбищ были выселки в окрестностях большого села. Туда ей и приказали ехать в первую очередь, чтобы определить на месте что к чему. Сотрудник проинструктировал. Собственно, инструктирование свелось к фразе:

— Ты там, Зинаида, поосторожнее будь.

Зинаида не удержалась, ухмыльнулась и ответила:

— А вы тут поактивнее будьте, чтобы мне там не осторожничать.

Сотрудник с погонами старшего лейтенанта на гимнастерке, прикрытой гражданским пальто, махнул рукой:

— Свободна, — и, когда выходил, добавил: — Не очень-то я доверяю связной. Да только другой там нету. Ты на месте разбирайся. По обстоятельствам действуй.

Зинаида сначала разозлилась: «Сволочь! Трусливая сволочь. Сам трусил туда ехать и посылает бабу!» Постепенно успокоилась. Стала обдумывать. На ходу придумала простенькую легенду. Будто ходит по селам, меняет вещи на еду себе и сынишке. Такое было почти правдой. Так делала её соседка. Меняла вещи на продукты для продажи. К ней Зина и зашла вечером разузнать, что на что меняет.

Утром собрала старый отрез шерстяной ткани, несколько кастрюль, оставшихся

от прежних хозяев, соль, обрядилась в старушечью одежду, стоптанные ботинки, а, собственно, других и не было, забралась в товарняк и добралась до места. Прошла через село, постояла на местном базаре, пытаясь обменять свой товар на еду. Ничего не получилось. Местные подсказали, как идти на выселки, обнадружили, что там, может, и удастся что-то обменять на еду. Пошла.

Укутанная в старое, изношенное пальтишко на вате, платок, в армейских ботинках она шла по дороге, дрожала и от холода, и от страха. Казалось, из-за каждого дерева за ней следят бандиты. Уже стемнело, когда она тихонько постучала в то окошко, в которое было сказано, и так, как было сказано. Её впустила женщина, по виду её ровесница, прошептала: «Заходи скорее».

Хозяйка объяснила, что с минуту на минуту придут бандиты, а потому сейчас спрячет Зинаиду, а поговорят после, когда те уйдут. Отвела в хлев, который был под одной крышей с домом. Сгребла с одной стороны сено и отодвинула несколько старых здоровенных досок. В этот тайник Зинаида и залезла вместе со всем, что принесла вроде как для обмена. Женщина перекрестила её, сказала, чтобы не то чтобы не шевелилась, а даже не дышала. Накрыла досками, засыпала сеном и ушла. Зина улеглась и стала слушать.

В дверь постучали. Не как она, а громко, должно быть, сапогами. Хозяйка шумно прошлепала по полу. Открыла. В дом вошли.

— Ну, где сховала вчительку?

— Яку такую вчительку? Та я никого не бачила. Тильки подоила корову и пишла спати.

В ответ хмыкнули:

— Ну и де молоко?

— Так ось, в бидони.

— Налий в гуртки, попьем.

Позвякала посуда. Потом тишина. Видать, пили.

— Ну, дивись, вели знайдемо вчительку, обох повисимо, — сказал, видать, старший и приказал: — Микола, перевір на горищі в хліві, а ми подивимося в будинку.

Заскрипела лестница, должно быть, Микола полез на чердак. Остальные протопали в комнаты. Зинаида услышала, как зашуршало сено и раздался легкий стук. Сообразила, что этот Микола тычет вилами в сено, протыкает насквозь и ударяет о доски. Делал не спеша, основательно. Приближался к ней. Громче шагов Миколы и шиканья вил Зинаида услышала стук. Громкий, равномерный, частый. Она затаила дыхание. Выдыхала по чуть-чуть, так же и вдыхала, но звук, будто барабан, оглушал: «Господи, — подумала Зина, — да ведь это мое сердце стучит! Его-то как приглушить? Спаси и сохрани меня, Боже! Помоги! Сейчас услышит стук этот Микола, доберется до досок, сдвинет, увидит меня, вытащит и убьет. И меня, и хозяйку!»

Внизу снова послышались шаги:

— Ну, ти що там, заснув? Або чого вгледив?

— Та немає тут никого. Я все сино перешерудив, — ответил Микола.

— Ну и слазий. Ще пив хутора перевірити треба.

Микола слез. Бандиты хлопнули дверью, ушли. Хозяйка выждала с час. Убедилась, что бандиты убралась из хутора, и только тогда поднялась и вытащила Зинаиду из схрона.

При свете лучины накрыла на стол. Покормила пришлицу варениками с картошкой со сметаной, напоила молоком. Зина ела и не чувствовала давно забытого вкуса сметаны, вареников, молока. Ела по инерции. Хозяйка сидела на лавке рядом. Руки у неё тряслись, щека дергалась. Обе еще не отошли от страха. Молчали. Потом разом заговорили прерывисто, задыхаясь. О чем, Зинаида после не могла вспомнить, а вот как рыдали, обнявшись, рыдали долго о своих несчастных жизнях, помнила. И теперь, через много десятилетий, когда начинало трепетать или сильно биться сердце, а если говорить на языке медиков, начинался приступ аритмии или стенокардии, Зинаида Филипповна прежде всего вспоминала о том, как громко грохотало её сердце в том схроне на чердаке, а она боялась, что этот грохот выдаст и погубит и её, и Наталку — хозяйку.

Она провела у Наталки весь день. Та много чего полезного рассказала. Выдала, кто на хуторе помогает бандитам, кто работал на фашистов в большом селе и даже в городе. Где бандиты скрываются в лесу.

Когда стемнело, Зинаида вышла из дома. Осторожно по заросшей травой тропинке, указанной Наталкой, пошла в сторону большого села. Добралась до него под утро. Пришла в сельсовет. Представилась представителем Каменец-Подольского «Заготскота», объяснила, как организовать приемный пункт для организации «Заготскот». Оставила телефонны, по которым можно связаться с конторой в Каменец-Подольске, отметила свою командировку. Села на поезд и вернулась в город.

В «СМЕРШе» старшего лейтенанта, который её посылал, уже не было. Доложила о том, что узнала, начальнику. Тот возмутился, что на такое задание старлей отправил её без подготовки. А еще через два дня банда была уничтожена. Связанные с ней агенты арестованы, заговорили на допросах, и удалось распутать целую подпольную сеть, созданную при отступлении фашистами.

Зинаиде объявили благодарность и вручили подарок — серебряную пудреницу. Пудреницей она не пользовалась, так и лежит, потемневшая от времени, в шкафу. Рядом с орденом «Красной Звезды» и другими наградами. С Наталкой ей встретиться больше не довелось. Её убили бендеровцы. Зинаиде сказал об этом начальник. Старлей по пьяни проболтался о Наталке своей любовнице, а та передала в банду. Зинаиде повезло. Она ушла с выселок часа за два до прихода убийц. Это всплыло в СМЕРШе, когда раскручивали цепочку связей и допрашивали пособников. Вскоре Зинаиду перевели на легальное положение, и она стала работать в отделении контрразведки «СМЕРШ» по Каменец-Подольской области.

9.

— Ознакомься! — начальник положил на стол большую пачку фотографий в картонной коробке и толстую серую папку. Налил из графина в стакан доверху воды и поставил рядом с Зинаидой. — Сегодня утром получил, — на пакете было написано: «Сов. секретно». Она удивленно посмотрела на подполковника. — Пригодится, — вздохнул он. — Больше ты у меня никуда, ни на какие спецзадания не поедешь! Будешь заниматься только бумагами, — он закашлялся. Отпил из того же стакана воды. Стукнул кулаком по столу. Потом снова наполнил стакан доверху и закончил: — И попрошу, без возражений! Товарищ старший лейтенант.

Давно такого не случалось. Всегда: «Зиночка, Зиночка. Умница, умница».

Начальник пошел к выходу. Открыв дверь, оглянувшись, строго посмотрел на Зинаиду, показал пальцем на папку:

— Совершенно секретно! — и вышел.

Зина вытащила из коробки фотографии. Начала рассматривать. Первую, вторую. По инерции перелистнула еще несколько. Голова закружилась. Затошило. Она выпила до дна стакан воды, оставленный начальником. Отложила пачку на стол подальше от себя. Отдышалась. Открыла папку. Бумаги, было видно, перепечатаны давно. Прочитала:

«Спецсообщение начальнику 2 управления НКГБ СССР тов. Федотову.

Получено 3/VIII-43 г.

Агент, возвратившийся из гор. Владимира-Волынска, сообщил, что 18-го июля с.г. был очевидцем массового истребления украинскими националистами — бандеровцами — польского населения, проживающего в гор. Владимире-Волыньске. Во время богослужения в костелах бандеровцами было убито 11 ксендзов и до 2000 поляков на улицах города.

Немецкий гарнизон, полиция и казаки в количестве до 600 человек не приняли никаких мер против расправы над поляками, и лишь после расправы немецкое командование вывело объявление, призывающее поляков вступать в жандармерию для борьбы с бандеровцами. Многие поляки, боясь репрессий, пошли на службу к немцам».

Таких сообщений и спецсообщений в папке было много. Излагались подробности издевательств, казней, пыток мирных жителей. Прилагались фотографии. К одному из сообщений, кроме фотографий, был приложен список способов, какими украинские националисты пытали и убивали беззащитных женщин, детей, стариков. Зинаида выпила не один стакан воды, пока изучила документы из папки и фотографии.

Теперь, восстанавливая те материалы, Зинаида Филипповна без сложностей нашла, может быть, их, может быть, подобные в интернете. Многие свидетельства касались «Волынской резни», но не меньше сведений было о зверствах украинских националистов из УПО в других районах Западной Украины. Именно «резни», потому что насилие они творили ножами, вилами, серпами, топорами, пилами. Много сведений было и о зверствах так называемых «лесных братьев» в Литве, Латвии, Эстонии. Но особо отличились нелюди из УПО.

Вот список издевательств и пыток:

- Вбивание гвоздя в череп.
- Сдираще с головы волос с кожей.
- Выбивание глаз.
- Обрезание носа, ушей, губ, языка.
- Прокалывание детей и взрослых колами.
- Пробивание толстой проволокой насквозь от уха до уха.
- Разрезание горла и вытягивание через отверстие языка наружу.

- Выбивание зубов и ломание челюсти.
- Разрывание рта от уха до уха.
- Сворачивание головы назад.
- Раздавливание головы в тисках.
- Резание и стягивание узких полосок кожи со спины или лица.
- Ломание костей (рёбер, рук, ног).
- Отрезание женщинам груди и посыпание ран солью.
- Отрезание серпом гениталий жертвам мужского пола.
- Пробоивание живота беременной женщине штыком.
- Разрезание живота и вытаскивание наружу кишок у взрослых и детей.
- Разрезание живота женщине с беременностью на большом сроке и вкладывание вместо вынутого плода, например, живого кота и зашивание живота.
- Разрезание живота и вливание вовнутрь кипятка.
- Разрезание живота и вкладывание вовнутрь его камней, а также бросание в реку.
- Разрезание беременным живота и высыпание вовнутрь битого стекла.
- Вырывание жил от паха до стоп.
- Вкладывание в вагину раскалённого железа.
- Вставление в вагину сосновых шишек вперёд стороной верхушки.
- Вставление в вагину заострённого кола и пропихивание его до горла, навьлет.
- Разрезание женщинам передней части туловища ножом от вагины до шеи и вытаскивание внутренностей наружу.
- Вешание жертв за внутренности.
- Вкладывание в вагину или анальное отверстие бутылки и её разбивание.
- Разрезание живота и высыпание вовнутрь кормовой муки для голодных свиней, которые этот корм вырывали вместе с кишками и другими внутренностями.
- Отрубание топором, отрезание ножом, отпиливание пилой рук, ног, пальцев на руках и ногах.
- Прижигание внутренней стороны ладони на горячей плите угольной кухни.
- Перепиливание туловища пилой.
- Посыпание связанных ног раскалённым углём.
- Прибивание гвоздями рук к столу, а стоп к полу.
- Разрубание топором целого туловища на части.
- Прибивание ножом к столу языка ребёнка, который позже висел на нём.
- Разрезание ребёнка ножом на куски.
- Прибивание маленького ребёнка штыком к столу.
- Вешание ребёнка мужского пола за гениталии на дверной ручке.
- Выбивание суставов ног и рук ребёнка.
- Бросание ребёнка в пламя огня горящего здания.
- Разбивание головки младенца, взяв его за ножки и ударив о стену или печь.
- Посадка ребёнка на кол.
- Подвешивание на дереве женщины вверх ногами и издевательство над ней — отрезание груди и языка, рассечение живота, выкалывание глаз, а также отрезание ногами кусков тела.
- Прибивание маленького ребёнка гвоздями к двери.
- Вешание на дереве ногами вверх и опаливание головы снизу огнём зажжённого под головой костра.
- Утапливание детей и взрослых в колоде и забрасывание жертвы камнями.
- Вбивание кола в живот.
- Привязывание человека к дереву и стрельба в него как по мишени.
- Волочение по улице тела при помощи верёвки, затянутой на шее.
- Привязывание ног и рук женщины к двум деревьям и разрезание живота от промежности до груди.
- Волочение по земле матери с тремя детьми, связанных друг с другом.
- Стягивание колючей проволокой одной или нескольких жертв, каждые несколько часов поливание жертвы холодной водой с целью прихода в себя и ощущения боли.
- Закапывание в землю живьём по шею и срезание позже головы косой.
- Разрывание туловища пополам при помощи лошадей.
- Разрывание туловища пополам привязыванием жертвы к двум пригнутым деревьям и в последующем их освобождением.
- Поджигание жертвы, облитой керосином.
- Обкладывание вокруг жертвы снопами соломы и их поджигание (факел Нерона).
- Насаживание младенца на вилы и выбрасывание его в пламя костра.
- Вешание на колючей проволоке.
- Сдирание с тела кожи и заливание раны чернилами или кипящей водой.
- Прибивание рук к порогу жилища.

Все описанные зверства подтверждались фотографиями или задокументированы описанием фотографий. Подвергались пыткам и украинцы из восточных районов, и русские, и чудом уцелевшие евреи, и чехи. Нормальный человек спокойно не мог читать, а бендеровцы делали, смеясь и веселясь. Когда уставали, ложились спать, а выспавшись, продолжали зверствовать. Нанизывали на проволоку связки из нескольких детей, называли это «венками», развешивали на деревьях и подписывали: «Вот путь к независимой Украине».

А какие же у бендеровцев были жены и матери? Зинаида читала их допросы. Многие говорили примерно так: «Несчастные наши мужчины, нам их было так жалко. Они уставали неимоверно. Мы их кормили, укладывали спать, а потом они снова принимались за свою тяжелую работу».

Зачем бендеровцы это делали? Должно быть, чтобы на Западной Украине никого не осталось кроме западных украинцев. Чтобы остальные в ужасе бежали и чтобы у них даже мысли о возвращении никогда не возникало. Хотели запугать, посеять страх и ужас на века. А потом на чужой крови и пепелище построить свое счастье.

Зина читала оставленные начальником материалы и понимала, почему он заявил, что никогда больше не пустит ее ни на какие задания, а заставит заниматься только бумажками. Вскоре он поручил ей обобщить имеющиеся материалы по деятельности и преступлениям в ближайших районах организации украинских националистов (ОУН) и украинской повстанческой армии (УПА). Она получила доступ к докладным запискам, отчетам, фотографиям, многим другим документам и начиталась до такого состояния, что после первого дня работы у неё появилась седина. Зинаида представляла себя на месте бендеровских жертв. Так могло случиться с ней и в ту первую поездку, и в другие поездки.

«Несчастливая, несчастная Наталка!» — Зинаида часто её вспоминала. Не хотела верить, что та мучилась. Надеялась, что умерла быстро. Потом узнала подробности: на допросе один бендеревец признался, что Наталка подорвала себя и двоих бандитов гранатой, остальные зверствовали уже над мертвой. Узнав об этом, Зина подумала: «Слава Богу, не мучилась». Вечером после работы пошла в церковь, долго молилась, а дома почти всю ночь проплакала.

Из истории бандеровского подполья

Эти «избранные свыше сверхчеловеки» появились в конце двадцатых годов. Объединилась маленькая группка из тридцати украинских националистов с якобы благородной целью освобождения Украины от колонизаторов — Польши и советской сталинской России, захвативших их землю. Назвали себя — ОУН: Организация украинских националистов. Написали программу, в которой главной целью было построить сильное государство во главе с вождем, а для этого создать украинскую армию.

В программе развернуто писалось о морали ОУНовца. Главные черты: «догматизм... фанатизм... аморальность... насилие...»

После нападения фашистской Германии на СССР большая часть ОУНовцев добровольно поступили в карательные батальоны «Нахтигаль» и «Роланд» и дивизию СС «Галичина», отличились зверствами, удивлявшими даже эсэсовцев. Многие прошли специальную подготовку в лагерях Абвера.

Весной 1943 года немцы начали формирование 14-й дивизии СС из украинских добровольцев дистрикта Галиция и «Украинской освободительной армии» — из «восточных украинцев», преимущественно военнопленных. В том же году произошла Волынская резня. По данным польских источников, в 1943-44 годах на Волыни погибло шестьдесят тысяч поляков и двадцать тысяч украинцев от рук украинских националистов под началом Дмитрия Клячкивского.

В конце войны эти части были расформированы. На их базе появилась УПА (Украинская повстанческая армия), которая была разделена на три группы: «Север», «Запад» и «Юг». Каждая группа состояла из 3-4 куреней. В один курень входило три сотни. Сотня состояла из 3-4 чотов (взводов). Составная единица чота — рой из 10-12 человек.

Точной численности УПА в документах не приводилось: от 25 до 100 тысяч хорошо обученных головорезов, вооруженных и немецким, и советским оружием. У них имелись большие запасы боеприпасов, провианта и амуниции. Была в этой армии служба безопасности с разведывательными и устрашающими карательными функциями. Германские нацисты ушли, а эти остались. Первоочередной целью УПА было не пустить советские войска на свою территорию.

На Волыни банды ОУН-УПА, почувствовав ослабление Рейха и свою силу, начали воевать и с красными, и с фашистами, и с поляками. Одно время им удавалось контролировать большие районы в Ровенской и Тернопольской областях. Действовали открыто. Зная местность, занимали выгодные позиции, заманивали подразделения

советской армии в ловушки. Устроив засаду, бандеровцам удалось смертельно ранить командующего 1-м Украинским фронтом Николая Ватутина. После этого борьба с УПА резко усилилась. Разгромленные Красной армией в открытых боях бандеровцы перешли к партизанской и подпольной войне. Постоянно использовали тактику запугивания.

К весне 1945 года войсками НКВД были разгромлены все крупные банды. За 1944 год было уничтожено почти шестьдесят тысяч бандеровцев и более пятидесяти тысяч членов УПА задержано. Но УПА продолжала террор, жестоко расправляясь с советскими гражданскими работниками, учителями, агрономами, инженерами в селах и небольших городках. Сочувствующих советской власти убивали семьями, пытали.

Главкомандующий УПА Шухевич издал приказ о продолжении борьбы с СССР. Уничтожение ОУН-УПА стало важнейшей задачей органов НКВД на Западной Украине. Руководство УПА, сбежавшее после войны за границу и к тому времени находившееся на службе у западных разведок, дало оставшимся подразделениям указание беречь силы до наступления вооруженного конфликта между странами Запада и СССР. Партизанам и подпольщикам УПА с воздуха в леса Западной Украины забрасывали боеприпасы, деньги, радиостанции и прочее.

Многие селяне Западной Украины поддерживали «лесных братьев». Одни воспринимали их как героев, борцов за независимую Украину, другие из страха или по-родственному давали бандеровцам продовольствие, пускали на ночлег. Чтобы лишить УПА такой поддержки, многие родственники бандеровцев были отправлены на спецпоселение в Сибирь.

В 1950 году был уничтожен генерал-хорунжий, командующий УПА Роман Шухевич. Его заменил такой же опытный и опасный враг — Василий Кук. Его удалось схватить. Органы НКВД вели долгую психологическую обработку Кука и сумели убедить. Он призвал бойцов УПА сложить оружие. Советская власть сохранила Куку жизнь и после шестилетнего заключения освободила.

За 10 лет борьбы с подпольем ОУН после войны до середины пятидесятых годов погибло двадцать пять тысяч солдат и офицеров советской армии, сотрудников органов госбезопасности, милиции, пограничников, около тридцати двух тысяч партийных работников, учителей, агрономов, инженеров, приехавших налаживать мирную жизнь на Западную Украину. Вечная им память!

10. ГОЛУБЫЕ ГОРЫ

Спина у Зинаиды Филипповны болела с детства. Каждый раз, когда просыпалась, первое, что делала, наклонялась вперед, слегка сгибала колени и вытягивала на выдохе мышцы, которые держали позвоночник. Так научили в Голубых горах. В Индии. Когда лечили сломанный позвоночник.

Ездить верхом она научилась на второй год, как приехали в Персию. У отца было несколько коней для верховой езды. Она долго упрашивала, чтобы ей позволили. Упросила. Махмуд легко поднял, усадил в седло и, улыбаясь, держа лошадь под уздцы, катал её по двору. Когда стала уверенно сидеть в седле, привыкла к лошади, начали учить ездить на самой спокойной кобыле. Постепенно стала неплохо скакать.

Однажды, это случилось, когда ей было девять лет, к ним приехал на коне знакомый офицер и привел на поводе почти необъезженного жеребца. Привязал обоих к коновязи и ушел в дом что-то обсудить с отцом. Чувствовалось, что жеребец того гляди вырвется на свободу и улетит в горы. А конь был красив. Крупные черные глаза смотрели на людей зло, широкие ноздри раздувались, при каждом звуке он вздрагивал, ржал и вставал на дыбы. Длинная грива свисала ниже мускулистой шеи. Жеребец был оседлан. Наверное, офицер собирался объезжать его после встречи.

Отчаянная Зинушка решила объездить сама. Она была уверена, что ей удастся сделать то, чего пока не получается у казака-офицера, и тогда все удивятся, похвалят её и будут рассказывать потом, какая она молодец! Сначала подошла и заговорила с молодым конем. Тот удивленно посмотрел на девчонку и успокоился. Тогда она сбегала домой, принесла несколько кусочков сахара, встала перед жеребцом и протянула ему кусочек на ладони. Конь принял подношение. Зинушка спросила:

— Можно, я на тебе прокачусь? Немножко. Посажу в седле и слезу. А за это дам тебе еще сахара.

Конь помотал головой. Зинушка восприняла это как согласие. Дала еще кусочек, и конь снова съел. Она погладила его по шее. Конь стоял. Тогда девчонка спокойно и медленно укоротила стремя с одной стороны. Перешла на другую сторону и сделала то же с другим стремяем. Осмотрела седло, оно было хорошо подтянуто. Зинушка перекинула повод через голову на шею жеребца, выровняла, слегка натянула его, а

потом вскочила на жеребца. Конь вздыбился, заржал, стал брыкаться, но Зинушка крепко держалась в седле. Жеребец взбрыкнул и понесся. Он промчался через двор, перескочил через невысокую изгородь на задах сада и поскакал по дороге за город. Зинушка уцепилась одной рукой за гриву коня, второй пыталась натянуть повод, но жеребец обезумел. Он пытался сбросить девчонку, это не получалось, а он все пытался и пытался. Наконец, уже далеко за городом все же сбросил и умчался. Зинушка упала, почувствовала мгновенную страшную боль и потеряла сознание.

Когда её нашли, она лежала, разбитая в кровь о камни, и почти не дышала. Отец попытался взять её на руки. Зинушка вскрикнула от боли и снова потеряла сознание. Махмуд сказал отцу, что у неё, возможно, перелом позвоночника. Просто так нести нельзя. Надо положить на доску и тогда переносить, чтобы позвонки не сдвигались. Иначе могут порваться нервы, и ноги не будут ходить.

Врач после осмотра подтвердил перелом позвоночника. Ноги почти не реагировали на уколы, потеряли чувствительность. Мать не отходила от дочки и плакала, плакала. Отец приглашал разных врачей, те осматривали, качали головой и говорили одно и то же — жить будет, но только в инвалидной коляске. Махмуд разузнал, что в город недавно из Индии приехал знахарь. Он вылечил многих людей, от которых отказались врачи. Уговорил прийти. Знахарь занимался Зинушкой с утра до глубокой ночи. Сказал, что сам вылечить не сможет, но знает тех, у кого это, наверное, получится.

— Если кто и сможет это сделать, то только в Голубых горах. На юге Индии. И то, если возьмутся. Выдержит ли девочка далекий путь или нет, я не знаю. Я скоро уезжаю в Индию. Туда отправляется караван, с которым я пойду. Если решитесь — возьму.

Родители согласились. По приказу знахаря сделали широкую доску с креплениями и крышей из шелка. Получилось что-то похожее на палатку. Зинушку уложили на эту доску так, чтобы она не могла двигаться. За крепления привязали между двумя лошадьми, и караван пошел.

Как она ехала, как её снимали с лошадей, кормили, поили, натирали какими-то мазями, Зинушка почти не помнила. Потом, через годы Зинаида Филипповна на карте посчитала. Оказалось, что она с поломанным позвоночником проехала больше двух тысяч километров. Это было мучительным путешествием, но она его выдержала. Однажды после привала знахарь сказал, что завтра путь будет закончен, что он привез её к тодам.

— Кто это? — прошептала Зинушка.

— Это... — знахарь задумался. — Они произошли от богов. Только они могут тебя вылечить. Больше никто в целом свете. Если возьмутся, то обязательно вылечат. Тогда я тебя у них оставляю, а через год, когда караван в очередной раз будет возвращаться в Персию, в Мешхед, хозяин каравана тебя заберёт.

— А если не возьмутся?

— На все воля Аллаха, скоро узнаем.

Доску с Зинушкой положили на землю. К ней подошел высокий, очень высокий красивый человек с длинными седыми волнистыми волосами, бородой и зелеными глазами. Кожа у него была светлой, а лицо не похоже на лица индусов и персов. Он молча слушал тех, кто привез Зинушку, качал головой. Потом что-то сказал на неизвестном ей языке. Те, кто привез, отошли. Другие люди взяли доску и понесли. Поставили в поле, покрытом зеленой травой. Светило солнце. Легкий ветерок окутывал прохладой её измученное, изболевшее тело. Впервые за время мучительного путешествия ей стало спокойно. Боль затихла. Высокий человек подвел огромного буйвола. Буйвол наклонился к её лицу, обнюхал, покачал головой и тихо замычал. На его шее зазвенел серебряный колокольчик. Он снова наклонился к девочке и лизнул её в лоб. Зинушка открыла глаза и улыбнулась. Ей показалось, что и буйвол в ответ улыбнулся. В его ноздре блеснуло золотое кольцо. Зинушка потеряла сознание.

Пришла в себя и увидела, что высокий седой мужчина улыбается ей. Он что-то сказал, и Зинушка поняла: её будет лечить он и вылечит, но надо запастись терпением и во всем слушаться. Она в ответ улыбнулась и заснула. Проснулась, наверное, на следующий день. Почувствовала, что лежит на другой, гораздо более широкой доске. Эта доска приятно пахла и, казалось, излучала тепло. Её снова отнесли в поле. Переложили на живот. Боли она не почувствовала. Такое случилось впервые после того, как конь сбросил и она ударилась о камни. Тот же седой великан намазал её спину каким-то снадобьем и долго, очень долго растирал, произносил заклинания, она засыпала, просыпалась, впадала в беспамятство и снова приходила в сознание, а он занимался с ней и занимался. Как отнесли в хижину без окон, с очень маленькой дверью, она не помнила. Когда в очередной раз очнулась, этот мужчина напоил ее молоком через тростинку из деревянной мисочки. Такого вкусного молока она никогда прежде не пила. Зинушка подумала, что он, должно быть, древний жрец или святой. Он улыбнулся, будто прочитал её мысли, и сказал, что привязывать теперь не станут, но шевелиться нельзя, иначе

никогда не сможет ни ходить, ни вставать. И она лежала. Терпела и лежала. Изредка поворачивала голову влево, это жрец разрешил, и тогда представляла, будто спит на левом боку. Когда поворачивала голову вправо, представляла, будто спит на правом.

День изо дня повторялось и повторялось лечение. Она чувствовала, что силы восстанавливаются, что она крепнет, но не шевелилась. Жрец подолгу был рядом. Большую часть дня она лежала на зеленом поле. Видела, как пасутся огромные буйволы. Такие огромные, каких раньше не видела. На закате их загоняли в загон, на языке племени он назывался тирири. Зинушка обладала прекрасной памятью и способностью к изучению языков, потому быстро освоилась и стала понимать язык людей, у которых лечилась. Её сначала никак не называли, а попозже, когда привыкли, стали называть так же, как остальных женщин — матерью. Только прибавляли слова «маленькая» и «которую лечат». Получалось — «маленькая мать, которую лечат». Здесь всех женщин, от самых маленьких до старушек, уважительно называли «матерями». Как заметила Зинушка, женщин было намного меньше, чем мужчин. Примерно в пять раз меньше. Она спросила у жреца, почему так, тот пожал плечами и ответил:

— Так было всегда. Так богине угодно.

Бросалась в глаза красота и мужчин, и женщин. Их высокий рост — почти два метра. Атлетическое сложение. Длинные волосы, обрезанные спереди чуть выше бровей, сзади лежали на плечах и спине. Зинушка уже читала про древнегреческих и римских богов. Эти люди их напоминали. Даже одеты были, как древнегреческие боги, в светлые тоги, концы которых перебрасывали через плечо за спину. Потому сегоднего жреца, который её лечил, стала про себя называть Алексием, ведь имя Алексий означало целитель и было одним из имен бога Аполлона. Как-то она спросила жреца, не обидится ли, если она будет называть его Алексий. Жрец согласно кивнул. И сказал, что его почти так и зовут.

Позже Зинушка узнала, что племя называется тода. Они никогда не лгут и не крадут. Ложь считается здесь самым мерзким и подлым поступком. Об этом учат маленьких детей с рождения. На высокой горе находится храм. Единственный. Это храм Истине.

Алексий рассказал, что буйвол для тода божественен. Когда тод появляется на свет, то в его теле поселяется душа, а в его буйволе дух. Так они становятся единым. Потому у каждого в племени есть собственный буйвол, которому он поклоняется. В терири имеется загон для личных буйволов и храм, к которому нельзя приближаться женщинам и неженатым мужчинам. Только жрецы могут входить в храм и совершать в нем священные действия. Когда умирает хозяин, голову его быка отрубают, тело закапывают. Над телом разводят костер и сжигают и тело умершего тода, и буйвола. Вместе с дымом из священного буйвола вылетает дух и переправляет душу умершего тода в созвездие быка. А еще в племени тода поклоняются солнцу и верят в реинкарнацию.

Иногда к Зинушке подходил самый большой буйвол. Тот, которого она увидела в первый день, с золотым кольцом в ноздре и серебряными колокольчиками на шее. Тот, который разрешил её лечить. Наклонялся над ней, обнюхивал, фыркал, что-то говорил на своем буйволином языке. Зинушка понимала — говорит доброе, ласковое, чувствуется, как ей тяжело, и подбадривает. Так было много месяцев.

Однажды Алексий осторожно поднял и согнул её ногу. Зинушка не почувствовала боли! Нога работала! Он кивнул и сказал, что скоро она будет учиться ходить. Она ответила, что давно уже это умеет. Он покачал головой:

— Умела в другой жизни, а завтра начнешь этому учиться заново, а сегодня не смей вставать. Иначе — беда.

Она — непоседа, неслух, егоза — слушалась его безоговорочно. Ни разу не нарушала запреты. И чудо совершилось. На следующее утро Алексий поднял её с доски и поставил за землю. Она покачнулась, чуть было не упала, он обхватил исхудавшую тоненькую девочку, и Зинушка устояла. Жрец сказал, что теперь спина вылечена. Теперь скоро будет ходить. Зинушка ответила. Ответила на его языке. Как это получилось, она не понимала, но заговорила на неизвестном языке. Седой великан удивленно посмотрел на девочку, сказал, что впервые слышит, как чужестранка говорит на их языке.

Через полгода после того, как её привезли, Зинушка ходила и бегала, как будто никакого перелома позвоночника не было. А еще через несколько месяцев за Зинушкой приехал индийский знахарь. Всего она в Голубых горах была больше года. За это время любопытная девчонка много чего узнала о Голубых горах и людях, которые в них живут.

Вначале Алексий сам водил её в деревни, которые были ниже в горах. Там жили другие люди, говорившие на других языках. Позже, когда она освоилась, стала сама ходить в эти деревни. Научилась говорить на их наречии. В этих деревнях рассказывали, что раньше все Голубые горы были землей тодов. Те, кто приходил сюда, просили

у них разрешения жить на этой земле, пользоваться ей, выращивать растения, пасти скот. Тогда всем разрешали. Потом появились англичане и стали хитростями отнимать у тодов участок за участком. Постепенно вытеснили их на самые верхние пастбища, а себе забрали лучшие. Взорвали горы, построили дороги, и теперь англичанам стало легче сюда добираться, но душный и сырой ветер с моря стал проникать сюда и застаиваться здесь. Оттого жить стало хуже, домашняя птица и скот измельчали, люди стали чаще болеть. Английские солдаты, которые бездельничают в городке, от скуки издеваются над людьми, мучают их.

Ей было интересно посмотреть на этих хитрых и злобных англичан, и однажды она попросила разрешения у Алексия сходить в городок, в котором те жили и который видела у подножья горы, когда смотрела вниз с плато. Озеро возле него. Великан кивнул:

— Найди там ферму Джона Саливана. Сам он умер, а вот внучка его жива. Она про наши горы расскажет. Идти придется долго. Ты еще недостаточно крепка, чтобы осилить и спуск, и подъем за один день. Попросись у неё переночевать. А на следующий день с утра возвращайся.

Утром Зинушка попрощалась с Алексием. Он протянул ей красивую палку длиной немного меньше метра и сказал:

— Если встретишь тигра, или другого зверя, или удава, или змею — не пугайся и не бойся. Остановись. Выстави высоко перед собой посох и тихо, но так, чтобы они услышали, спокойно скажи, чтобы уходили. Скажи, что ты под моей защитой. Тогда не тронут. Уйдут.

Зинушка до селения добралась без происшествий. Нашла каменный дом Саливана. Позвонила в колокольчик, висевший у калитки. Из дома вышла пожилая дама, одетая почти так, как одевалась жена английского консула в Мешхеде. Подошла к калитке, спросила:

— Тебе чего, девочка? Ты чья? Что-то я тебя здесь раньше не видела.

Зинушка инстинктивно сделала книксен и на английском ответила:

— Меня привезли в ваши горы с поломанным позвоночником почти полгода назад. Теперь вылечили. Я все время была там, — она показала вверх на горы, — скоро за мной приедут, и я покину ваши места навсегда. Мне хотелось перед отъездом узнать побольше о Голубых горах. Лучше вас этого никто не сможет рассказать.

Женщина высокомерно посмотрела на неё:

— Тебе нужна моя хозяйка, а не я. Я доложу ей. Как тебя представить?

Зинушка сообразила, что надо сказать что-то посolidнее и ответила:

— Доложите, что я мадмуазель Зинаида из консульства в Мешхеде.

Служанка ухмыльнулась и ушла в дом. Вскоре вернулась и пригласила Зинушку пройти за ней. Её встретила дама, одетая гораздо лучше, чем жена консула. В руке внучка Джона Саливана держала монокль и на протяжении всей долгой беседы время от времени подносила его к переносице и вглядывалась в лицо девочки.

Она предложила Зинушке сесть за небольшой столик, на который служанка поставила поднос с чашками чая, маленьким молочником, наполненным сливками. Зинушка поблагодарила, пригубила чай и поставила чашечку из почти прозрачного фарфора на прежнее место. Сделала все так, как учила их в школе жена русского консула. Хозяйка кивнула, удовлетворившись манерами девочки, и начала рассказывать:

— Мой дед Джон Сэливан основал все это! — она обвела рукой всё вокруг и гордо посмотрела на маленькую девочку. — Я внучка главного управляющего Голубыми горами. Он, по распоряжению Ост-Индской компании, в которой работал коллектором, начал обследовать эту местность и открыл для нас, англичан, Голубые горы, или, как их называют на местном наречии, Нильгири. За это его и назначили главным управляющим. Дед жил на Нильгири и управлял его пятью племенами почти тридцать лет. Он был честным и справедливым. В тысяча восемьсот двадцать седьмом году основал наш маленький городок, который назвали Уттакаманд. По распоряжению деда город засадили садами. Не позволил изгадить озеро. Оно и сейчас украшает наш город. Взорвал каменные горы и построил дороги. Сделал все это достоянием Великобритании. Он описал все племена, которые здесь живут, их быт и нравы. Заступался за них. Его они и сейчас чтят и любят. Фактически он открыл эти места для цивилизации, как Колумб открыл Америку. Индусы боялись ходить в горы Нильгири. Эти места считались местом, где живут боги, и любого, кто посмеет нарушить их покой, боги покарают. Любого ждет смерть. Но появился мой дед с цивилизованными, вооруженными огнестрельным оружием англичанами, которые отправились в это место богов и открыли его для людей. Это произошло в январе 1819 года. Почти сто лет назад. Теперь, меньше чем через сто лет, здесь процветают фермы с цивилизованными плантациями. В нашем Уттакаманде, созданном моим дедом, живет около пятнадцати тысяч человек. Все здесь в идеальном, истинно британском порядке. Многие, кто чужь не умирал от мерзкого климата в Мадрасе или других городах, примчались сюда, как только узнали

про здешний лечебный, райский климат, открытый моим дедом. Здесь они будто бы заново родились. А сделав плантации на прекрасных здешних почвах, еще и обогатились, — остановить даму было невозможно и Зинушка слушала, слушала и слушала: — Джон Сэливан полюбил тодов за то, что они никогда не врут и не берут в руки оружие. Он позаботился о них на все времена, — внучка стала говорить о своем деде в третьем лице, и девочка догадалась, что та много раз уже рассказывала то, о чем только что сообщила ей. Рассказывала, должно быть, школьникам или путешественникам, которые приезжали сюда. — Джон Сэливан составил с племенными вождями договор аренды земли. По этому договору племя оставило за собой пастбища для буйволов в верхней части гор, а все, что ниже, передало в аренду плантаторам. Тоды счастливо живут. Они и сейчас получают эту арендную плату.

Зинушка слышала и понимала, что эта взрослая, чопорная, самоуверенная дама, в отличие от тодов, лжет. Её доброе детское сердечко рвалось из груди от неправды, которую извергала из себя эта женщина. Но Зинушка уже много чего понимала и слушала молча. Ей была неприятна эта взрослая женщина. Оставаться у неё на ночь, как советовал Алексей, она не хотела. Зинушка дождалась, пока та умолкла, встала, поблагодарила даму за интересный рассказ, сделала книксен, сказала, что ей пора, и покинула дом. Она не хотела оставаться в этом городке ни минуты. Быстрым шагом вышла за город и побежала наверх к ставшим родными тодам. Ей было обидно, что с добрыми, открытыми людьми, жившими в этих горах, как говорил Алексей, 199 поколений, а это, как она сразу посчитала, больше семи тысяч лет, так бесстыдно поступают пришельцы, да ещё и лицемерно рассказывают, что облагодетельствовали их.

— Когда я вырасту, выучусь, вернусь сюда и буду бороться за тодов! — говорила сама себе девочка. — Если б не они, я навсегда осталась бы калеккой, не способной двигаться, и умерла бы. Они меня спасли, и я буду бороться за их счастье! Правильно говорили в школе мои учителя про англичан.

Вдруг резкая боль в спине пронзила, будто иглой. Зинушка, должно быть, слишком переволновалась и перегрузила спину. Она вспомнила, что Алексей сказал, чтобы переночевала у внучки Саливана. Она не послушалась. Зинушке стало страшно — вдруг позвоночник снова сломается, вдруг в нем ещё не все позвонки срослись. Она отошла на обочину тропы и легла. Заснула. Когда открыла глаза, были сумерки. Луна освещала тропинку. Внизу, далеко за склоном, светились окна городка. Спина не болела. Зинушка осторожно поднялась и пошла вверх в селение тодов. В кустах около тропинки кто-то шуршал листьями. В глубине леса кричали звери. Зинушке не было страшно. Она выставила перед собой посох, который дал Алексей, и повторяла, как заклинание:

— Звери и змеи, уходите, я под защитой Алексия! Уходите и не трогайте меня! Уходите с моей тропы.

Совсем недалеко от селения увидела силуэт тигра. Он стоял на тропе и смотрел в её сторону. Зинушка остановилась. Вытянула вперед руку с посошком и сказала:

— Здравствуйте, тигр. Не трогайте меня. Идите своей дорогой. А я пойду своей.

В темноте блеснули глаза огромного зверя, раздался рык, и тигр ушел.

На поляне перед деревней её ждал Алексей. Зинушка кинулась к нему, обняла и заплакала. Он поднял её высоко-высоко, прижал к себе и погладил по голове.

— Я знал, что ты не останешься в городке у англичанки. Ждал тебя.

— Она же все врет. Обманывает. И про вас. Её послушать, так эти англичане вас всех облагодетельствовали. Буквально очастливили. А они вас ограбили. Отняли всю землю, — возмущалась Зинушка. — Они изуродовали ваши горы. Взорвали их. Я когда вырасту и выучусь, приеду сюда к вам, буду заступаться. Выгоню отсюда всех этих лживых, жадных англичан! Неужели вы, когда они подсунули договоры аренды, не поняли, что вас обманывают?

— И чувствовали, маленькая мать, которую уже вылечили, и понимали. Но на все воля богини. Всё предопределено, — печально сказал Алексей. — А ты не держи на них зла. Они и так уже наказаны. Задыхаются от своей злобы и жадности. Не уподобляйся им. Живи свободно, спокойно, и счастье тебя найдет.

Когда за Зинушкой приехали, индийский знахарь был восхищен, увидев девочку здоровой. Он встал перед Алексием на колени, поцеловал его руку, долго благодарил, а потом спросил, сколько они должны ему за лечение. Алексей удивленно на него взглянул и сказал:

— А сколько ты должен за то, что живешь? Что можешь дышать, ходить, видеть этот мир, — улыбнулся и сам ответил: — Нисколько. Для меня счастье, что я помог. Счастье, что растет, а не умирает, хорошая маленькая мать.

Перед отъездом Алексей подарил Зинушке четки из словых бивней. Одна бусина была срезана на треть. Зинушка помнила, что он сказал: «Жизнь у тебя, девочка, будет долгой, но много испытаний в ней будет, и все должна достойно принять и прео-

долететь». Любопытная Зинушка не удержалась и спросила:

— А почему эта бусина срезана?

Великан поцеловал её в лоб и ответил:

— Когда придет время, сама поймешь. Прощай!

Повернулся и ушел. Зинушка крикнула вслед:

— Спасибо тебе! Я тебя никогда не забуду. Ты подарил мне жизнь.

Поднявшийся вдруг ветер взметнул его волосы вверх, жрец, не поворачиваясь, поднял руку к небу и помахал. Вдруг появившийся туман скрыл его. Алексей будто растворился в нем и исчез...

11.

Путь домой с караваном был извилистым и долгим. Хозяин каравана знал, где и какой товар можно купить дешево, а потом продать дорого. Потому караван, а с ним Зинушка, петлял, заходил в далекие от проторенных путей места, где что-то продавал, что-то покупал. Зинушка оказывалась в таких местах, куда мало кто из европейцев мог проникнуть. Она прошла с запада на восток почти всю Индию. Хозяин каравана загрузил всех верблюдов и собирался перед возвращением в Персию зайти в Афганистан за драгоценными камнями. Было это почти по пути. Заодно хотел продать там небольшую партию оружия. Но в одном из караван-сараяв его отговорили знающие купцы. Рассказали, что эмир убит и лучше туда не ходить. Они же продали хозяину изумруды, которые пользовались спросом у высоких сановников в Персии и за которыми караван и должен был зайти в Афганистан.

На пути домой, в Мешхед, Зинушка из разговоров в караване узнала о переменах, которые произошли за это время в мире. Раньше ей эти перемены были неинтересны, но теперь она прислушивалась к разговорам в караване и на остановках в караван-сараях. Погонщиками были персы, и она отлично понимала, о чем они говорят. Они же между собой обсуждали, что в Персии вместо одного шаха стал другой, но ничего для простых людей от этого не изменилось. Говорили, что персидские чиновники раньше помогали немцам, а теперь затаились, притихли до времени. Что немцы говорят, будто только они одни могут защитить мусульман от неверных русских и англичан. Что надо поднимать джихад против неверных русских и англичан. Погонщики рассуждали, зачем им этот джихад. Говорили, что два года назад русские казаки уже захватывали все немецкие караваны с оружием и германскими офицерами, которые шли, чтобы вооружить поднявшиеся племена и обучить их. Что зимой 1915 года казаки вошли в древнюю персидскую столицу Хамадан и не позволили германцам сделать так, чтобы Персия вступила в войну с Россией, что немцы обманывают, будто русские хотят захватить Персию. Потому что потом, когда мятежников разогнали, большая часть русских казаков ушла из Персии воевать с Германией, а не осталась здесь.

Говорили, что малолетний новый шах ничего не может и страной правит премьер-министр. А тот сам и все его правительство на стороне немцев, которые их подкупили, для того чтобы Персия вступила в войну на стороне Германии. Что два года назад в Исфагане убили не то русского консула, не то его помощника и разгромили консульство. После этого многие русские уехали, а они покупали много из того, что привозил караван и другие караваны из Индии. Потому теперь плохо продаются товары. Говорили, что после этих убийств русские казаки заняли Хамадан, Кум, Керманшах, другие города и перекрыли пути между Персией и Месопотамией, которой владели турки, разгромили всех, кто помогал немцам. А если бы казаки этого не сделали, то непонятно, что бы теперь было. Должно быть, гораздо хуже. Чиновники наверняка бы загнали мужчин в армию и отправили воевать.

Путь долгий, и погонщики неторопливо обсуждали, что произошло недавно и что несколько лет назад. Особенно их интересовали события в России. Они много раз повторяли про революцию. Говорили обо всем, что их тревожило, но всегда возвращались к революции в России. Зинушка не очень-то понимала, что такое революция. Все, кто был в караване, с восхищением говорили, что в России теперь нет шаха. Что нового шаха русские вместо прежнего не пустили, и теперь у них всем правит народ через какие-то советы, в которые простые люди выбирают тех, кому доверяют. Говорили, что у тех, кто владел землей, эту землю забрали и раздали тем, кто на ней работал. А фабрики отняли у хозяев и отдали тоже тем, кто на них работал. Простым рабочим.

Зинушка сообразила, что они говорят, будто в России теперь нет царя. А кто есть, было ей непонятно. Она не понимала и тревожилась, как живет её семья. У родителей не было ни земли, ни фабрик, но отцу платил за работу какой-то неизвестный ей Морозов. Платил и за дом в Мешхеде, и за шерсть, которую отец покупал у персов. Она думала, кому теперь принадлежит дом, в котором они живут? Если тем, кто работал на Морозова, то, значит, отцу? Это хорошо, но в это не очень-то верилось. А кто тогда платит отцу деньги за работу, если Морозова выгнали? От всех этих размышле-

ний было тревожно и страшно. Больше всего она боялась, что родителей выгнали из дома, в котором они жили, или убили, как консула в Исфагане, и она их никогда не увидит. Зинушка гнала дурные мысли, а они не уходили, тревожили её маленькую, не окрепшую после болезни душу.

Один грамотный погонщик вечерами, когда останавливались на ночлег, доставал листок газеты и зачитывал остальным какое-то обращение «Ко всем трудящимся мусульманам России и Востока», которое напечатало после революции новое правительство России. Он читал, остальные слушали, кивали головами, удивлялись. Говорили, что такого никогда прежде не бывало. Каждый вечер, после ужина, после вечернего намаза, у них, как ритуал, стало чтение того обращения. Это повторялось столько раз, что Зинаида Филипповна помнила его и теперь, много, очень много лет спустя. Помнила, как погонщик доставал лист, разворачивал его и читал:

*«Обращение Совета народных комиссаров
ко всем трудящимся мусульманам России и Востока
20 ноября (3 декабря) 1917 г.*

Товарищи! Братья! Великие события происходят в России. Близится конец кровавой войне, начатой из-за железа чужих стран. Падают господство хищников, поработивших народы мира. Под ударами русской революции трещит старое здание кабалы и рабства. Мир произвола и угнетения доживает последние дни. Рождается новый мир, мир трудящихся и освобождающихся. Во главе этой революции стоит рабочее и крестьянское правительство России, Совет народных комиссаров.

Власть в стране в руках народа. Трудовой народ России горит одним желанием добиться честного мира и помочь угнетённым народам мира завоевать себе свободу. В этом святом деле Россия не одинока. Великий клич освобождения, данный русской революцией, подхватывается всеми трудящимися Запада и Востока.

Мы обращаемся к вам, трудящиеся и обездоленные мусульмане России и Востока. Отныне ваши верования и обычаи, ваши национальные и культурные учреждения объявляются свободными и неприкосновенными. Устраивайте свою национальную жизнь свободно и беспрепятственно.

Найдите, что ваши права, как и права всех народов России, охраняются всею мощью революции и её органов, советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов.

Поддерживайте же эту революцию и её полномочное правительство!

Мусульмане Востока, персы и турки, арабы и индусы, все те, головами и имуществом которых, свободой и родиной которых сотни лет торговали алчные хищники Европы, все те, страны которых хотят поделить начавшие войну грабители!

Мы заявляем, что договор о разделе Персии порван и уничтожен. Как только прекратятся военные действия, войска будут выведены из Персии и персам будет обеспечено право свободного определения своей судьбы.

Не от России и её революционного правительства ждёт вас порабощение, а от хищников европейского империализма, от тех, которые ведут нынешнюю войну из-за железа ваших стран, от тех, которые превратили вашу родину в расхищаемую и обираемую свою «колонию».

Свергайте же этих хищников и поработителей ваших стран. Не теряйте же времени и сбрасывайте с плеч вековых захватчиков ваших земель!

Вы сами должны быть хозяевами вашей страны. Вы сами должны устроить свою жизнь по образу своему и подобию. Вы имеете на это право, ибо ваша судьба в ваших собственных руках.

Товарищи! Братья! Твёрдо и решительно идём мы к честному, демократическому миру. В наших знамёнах несём мы освобождение угнетённым народам мира.

Мусульмане России! Мусульмане Востока! На этом пути обновления мира мы ждём от вас сочувствия и поддержки.

*Народный комиссар по национальным делам Джугашвили-Сталин.
Председатель Совета народных комиссаров В. Ульянов (Ленин)».*

Погонщики и охранники каравана постоянно обсуждали этот листок. Кто-то сомневался, кто-то не верил. Участвовал в разговорах и хозяин каравана, и его помощник. Их уважали и слушали внимательно. Хозяин каравана говорил, что этот документ правильный, что он недавно читал ещё одну грамоту от Российского министерства иностранных дел, которое теперь называется комиссариат. В этой грамоте русские подтверждают, что англо-русское соглашение от 1907 года о разделе Персии они разорвали и оно недействительно.

— А это значит, — говорил хозяин каравана, — что англичане теперь не имеют никаких прав на нашу Южную Персию и русские им в этом содействовать не станут. Вот только сил и оружия у нас нет, чтобы англичан оттуда выгнать. Надо силы накапливать, доставать оружие, а когда станем готовы, то сможем выгнать этих грабителей

англичан. Думаю, что русские нам в этом помогут.

Все кивали, вздыхали и соглашались.

Зинушка побаивалась ехать на лошади. Слишком сильны были воспоминания о её беде. Потому ехала верхом на спокойном ослике или шла рядом с ним. Она много размышляла о несправедливости в мире. О лживости англичан, их жадности и хитрости. Она уже понимала, что англичане и в Персии ведут себя так же, как в Индии с тодами. Да, должно быть, и везде в мире не лучше. Это говорили и учителя в консульстве, и персы. Да и хозяин каравана постоянно сокрушался о том же. Зинушка за этот год повзрослела. Лежа на доске, не имея возможности встать, ей оставалось только думать, вспоминать, что было, и мечтать, как будет, если Бог даст, и она выздоровеет. Размышляла, чему надо посвятить свою жизнь. Поняла, что слова и родителей, и учителей о том, что надо учиться и много знать, правильные. Тогда и пользы людям можно принести много. А еще она увидела настоящих своих врагов — англичан. Решила, что с ними будет бороться. Но для того, чтобы бороться по-настоящему, надо сначала хорошо выучиться. Этой борьбе, борьбе за освобождение угнетенных людей, под цоканье копыт маленького ослика она и решила посвятить жизнь.

12.

Наконец показался Мешхед. Навьюченные верблюды не спеша вошли в город, прошли по кривым улочкам к караван-сарая, неподалеку от дальнего базара. Она помнила эти улочки, знала, как по ним быстро добраться домой, и попросила хозяина отпустить её. Тот улыбнулся, погладил девочку по головке и сказал:

— Не спеши, маленькая Зина-джан. Я сам тебя отведу к родителям. Время опасное, даже за пять шагов от дома может случиться беда. Подожди еще немного, пока я переделаю товары, устрою и людей, и животных.

Раньше Зинушка не послушалась бы, убежала домой, но теперь, после того что случилось, стала осмотрительней, выдержанней, да, наверное, просто повзрослела. Она согласно кивнула хозяину и осталась ждать. Наконец, тот закончил дела, и по знакомым улочкам они прошли через город, постучали в знакомые Зинушке ворота.

Калитка, встроенная в них, открылась, и Зинушка увидела мать. Анисья Дмитриевна обомлела, замерла на секунду, растерялась, потом бросилась к ней, обняла и зарыдала. Зинушка почувствовала мамин запах. Запах сдобных булочек, теплого хлебушка, запах родного дома. Мама обняла дочку и не отпускала. Прижимала к себе и целовала, целовала. Чуть сзади матери стояла Шура, старшая сестра Зинушки, и повторяла:

— Ну полно, мамочка, не плачь, по лно, вернулась наша Зинушка, слава господу, выздоровела. Не плачь, пожалуйста, не плачь.

А мать не могла остановиться, рыдала и рыдала.

Из дома вышел отец. Увидел Зинушку, вскрикнул от радости, раскинул руки в стороны, подбежал к ней, обнял, расцеловал, поднял и закружил. Потом радостно посмотрел на мать, сказал:

— Анисья Дмитриевна, ты почто плачешь? Смеяться надо, доченька наша, Зиночка, здоровая вернулась! А ты плачешь!

Он, наконец, опустил Зинушку на землю, подошел к хозяину каравана, заговорил с ним на фарси. Спросил, как добрался, как здоровье. Говорил, соблюдая устоявшийся этикет вежливости. Хозяин каравана, в свою очередь, расспросил отца о том же. Потом отец пригласил его в дом. Они расположились в кабинете отца, туда принесли еду, чай, и они долго-долго разговаривали. А Зинушка в это время знакомилась с маленькой племянницей, дочкой Шуры, Ниночкой. Обнималась с сестренкой Любашей, братишкой Германом. Рассказывала им, как добиралась, привязанная к доске, на Голубые горы, как её лечили там тоды. Как вылечили и она снова училась ходить. Сперва медленно, потом, когда окрепла, быстрее. Как научилась языку тодов и близких к ним племен. Как освоила гимнастику йогов и много-много еще о чем рассказывала и понимала, как сильно она любит их, своих родных, мамочку, папочку, сестричек и даже маленькую племянницу Ниночку, которую только что впервые увидела.

Вечером, после того как очередной раз пересказала все, что с ней случилось, как лечил тод Алексей, как училась снова ходить, бегать, как добиралась с караваном обратно домой, семья разошлась после вечернего застолья по комнатам, готовиться ко сну. Зинушка подошла к отцу и тихо, чтобы никто не услышал, спросила:

— Папочка, а что такое революция? В караване говорили, что в России больше нет царя, что землю отобрали у помещиков и отдали крестьянам, а фабрики рабочим. Это правда? И как же теперь мы жить будем? На что? Если Морозовы уже не хозяева, кто у тебя будет покупать шерсть и на какие деньги?

Отец посмотрел на дочку внимательно, взял за руку, провел в кабинет, усадил в кресло, сел напротив:

— Зиночка, милая моя доченька, всегда ты была у нас самой уменькой, самой рассудительной. Даже Шура, которая намного старше тебя, ни о чем таком не спрашивает и не говорит. Только переживает, что её с маленькой дочкой оставил муж, Мишка Бачурин. Ревет, а сама уже поглядывает на здешних офицеров, которые побогаче. А ты вон о чем задумываешься и спрашиваешь. Все расскажу, что сам знаю и как понимаю.

Отец налил в стакан чай, ненадолго замолчал, собираясь с мыслями, и стал рассказывать дочке, что все началось зимой семнадцатого года. Консул попросил собраться всем из нашей русской колонии и сообщил, что ему пришло сообщение, что царь Николай Второй отрекся от престола. После него на престол должен был взойти его брат Михаил Александрович, но он не захотел становиться императором, фактически тоже отрекся, и страной стало управлять Временное правительство до момента, пока пройдут выборы в Учредительное собрание, которое и определит, что будет с Российской империей, какое у неё будет устройство, ну и все остальное. Рассказал, что консулу начали задавать вопросы, но сведений у него не было. Сказал, что будем жить по старым законам, пока ситуация прояснится.

Все лето в Мешхед доходили разные слухи. Будто в Петербурге проходят демонстрации, митинги, что летом начались расстрелы демонстраций, что на Западном фронте солдаты отказывались подчиняться офицерам, выбирали для управления советы из солдат. Осенью, не дожидаясь выборов в это самое Учредительное собрание, временное правительство объявило Российской империю республикой. По этому поводу снова собрал консул. Вид у него был растерянный. Чувствовалось, что не знает, ни как себя вести, ни что делать. А поздней осенью в ноябре пришли новые вести, о том, что в результате восстания власть захватили большевики, арестовали Временное правительство и создали совет из комиссаров. Так теперь стали называть министров. Кто такие большевики, что теперь будет, никто не знал.

Зинушка чувствовала, что отец, рассказывая ей о тех событиях, волнуется. Отец отпил из стакана чай и продолжил:

— Сергей Арсеньевич Морозов, дай Бог ему здоровья, — отец перекрестился, — в начале восемнадцатого года связался со мной, сказал, что его привлекла новая большевистская власть в качестве консультанта для решения вопросов, связанных с национализацией текстильных фабрик. Сказал, что все фабрики, в том числе и морозовские, национализированы. Спросил, есть ли у нас средства для существования. И сказал, чтобы я всю шерсть и хлопок, которые не отправил в Россию на его фабрики, продал, деньги положил в английский банк на свое имя и на эти деньги и жил, пока ситуация не прояснится окончательно. И действительно, к весне 1918 года на складах скопилось много шерсти. Отправлять её было некуда и не на чем. Бумажные деньги очень быстро обесценивались. Сергей Арсеньевич как будто знал, что так будет. Тогда, как он и посоветовал, я договорился с английскими купцами и продал всю скопившуюся шерсть, а деньги положил в английский Шахиншахский банк. Здесь в Мешхеде было его отделение. Слуг и помощников мне пришлось почти всех уволить. Остался только Махмуд да еще двое, которые теперь поддерживают в порядке птичник, сад и огород. Так что пока не бедствуем. Обеспечиваем себе пропитание своими силами и средствами. Да еще подкармливаем тех, кто сюда прибыл из России, опасаясь преследований от новых властей. Теперь про консульство и остальное... Как мне рассказали, сразу после того, как большевики пришли к власти, посол в Тегеране и консулы в других городах Персии отказались с ними сотрудничать. Тогда большевики их уволили. Но никто из уволенных не покинул ни посольства, ни консульств. Так тут и остались. Почитай с восемнадцатого года из России сюда прибывают и прибывают люди, которые опасаются там оставаться. Бегут из страны, где родились, имели землю или фабрики. Боятся, что их там убьют. Здесь, в нашем консульстве, им, чем могли, помогали. Теперь все меньше помощи и меньше. Должно быть, деньги заканчиваются. Но связи у консула хорошие и с англичанами, и с другими посольствами. Многим помогает уехать отсюда в Америку. Там нет войны. У кого не осталось денег, здесь кормят, подыскивают им работу, и они уезжают. Я тоже, по мере возможности, обеспечиваю едой этих несчастных, а они нам за это помогают в огороде, в саду, птичнике, с коровой. Так и живем. Большевики плохо относятся к имущим. К помещикам, фабрикантам. Но, видать, не ко всем. Вот Сергея Арсеньевича не тронули. Он у них работает, хотя фабрики его отобрали. Нам бояться нечего. Мы из крестьян. Да и нет у нас особо ничего. Но уезжать отсюда пока опасно. В России, как рассказывают беженцы, идет жестокая война. Народ поделится на красных, которые большевики, и белых, которые за старое устройство страны. Так и живем пока тут, — повторил отец. — Пока у нас есть усадьба Морозовых, я время от времени закупу шерсть и хлопок для англичан. Деньги платят, хотя гораздо меньше, чем Морозов. Пользуются ситуацией. А еще очень переживаю за Машеньку. Как она

там? Связь нарушена. Шура приехала сюда с дочкой Ниночкой. Сначала плакала, что её муж бросил, нашел себе другую. Когда спросил её про Машеньку, понял, что она про неё и не вспоминала. Только когда я спросил, вспомнила, а сказать ничего мне не смогла. Сказала, что у Машеньки все в порядке, что она хорошо устроена и собирается поступать в университет, чтобы выучиться на учительницу. Но что-то мне не верится в то, что говорит Шура. Слишком она собой озабочена. Да Бог с ней. Мы очень виноваты перед Машенькой, что не взяли с собой сюда. Опасались, что прервет учебу, да вот видишь, как обернулось. Каждый день с матерью за неё молимся, чтобы все у неё было хорошо.

13.

Много позже Зинаида Филипповна узнала, как происходила смена царских посольств советскими. Как это было долго и непросто. Узнала, как работали бывшие царские посольства со времени революции до середины двадцатых годов. Как выживали, не имея средств, старались не уронить достоинство своей, уже не существующей, родины — Российской империи. Помогали, по мере возможности, людям, оказавшимся в эмиграции. Не сбегали, бросив на произвол судьбы здания посольств и консульств, а действовали, как подсказывала их совесть, честь, убеждения.

В сентябре 1917 г. Временное правительство назначило послом во Францию члена партии кадетов известного адвоката Василия Алексеевича Маклакова, в Испанию — бывшего генерал-губернатора Финляндии М.А. Стаховича, в Швейцарию — бывшего министра признания И.Н. Ефремова. Министр иностранных дел Временного правительства М.И. Терещенко возложил на Маклакова задачу представлять Россию на межсоюзнической конференции в Париже в ноябре 1917 г.

В это время произошла Октябрьская революция. Подавляющее число дипломатов Российской империи отказались сотрудничать с большевиками, посчитав эту власть нелегитимной. Сотрудники Министерства иностранных дел в Петрограде объявили забастовку и бойкот большевикам. Одни покинули работу в министерстве, другие, поняв грозившую опасность, эмигрировали. А вот те, кто был за границей, в посольствах и консульствах в разных странах, свои посольства и работу в них, как правило, не оставили.

Одновременно с междусоюзническим съездом в Париже произошел съезд бывших русских послов, и в конце ноября 1917 г. в Париже был образован совет послов во главе с В.А. Маклаковым. Приехали Гирс Михаил Николаевич, Набоков Константин Дмитриевич, Стахович Михаил Александрович, Ефремов Иван Николаевич, многие другие послы. Гирс был большим другом министра иностранных дел Франции Пишо-на и мог повлиять на французскую политику; но в это время он более всего заботился об одном — чтобы большевики не были признаны; в этом добился полного успеха. Инициатором, координировавшим действия посольств, стал В.А. Маклаков. При его активном участии была выработана форма их деятельности, которая в глазах иностранных держав обеспечивала легитимность. Они объявили себя представителями последнего законного российского правительства.

Большевицкое правительство назначило народным комиссаром по иностранным делам Л.Д. Троцкого, однако он не спешил заниматься иностранными делами и перебираться из штаба революции — Смольного — в Министерство иностранных дел. Только после того, как из французских газет узнал о конференции союзников в Париже в ноябре 1917 г. и участии Маклакова в междусоюзнической конференции, начал действовать. 17 (30) ноября газета «Правда» напечатала приказ Троцкого по министерству иностранных дел, в соответствии с которым «г. Маклаков, получивший при прежнем правительстве дипломатическое назначение в Париж, лишается каких бы то ни было полномочий».

В тот же день Троцким была направлена всем русским дипломатическим представителям циркулярная телеграмма, в которой говорилось, что «Совет народных комиссаров предлагает всем служащим посольства немедленно ответить, согласны ли они проводить ту международную политику, которая указана съездом советов». Все не желавшие проводить советскую внешнюю политику дипломатические представители должны были немедленно отстраниться от работы, сдав дела низшим служащим, независимо от занимавшегося ими ранее поста, если они были согласны подчиняться новой власти. Попытки чиновников продолжать свою политику в прежнем направлении приравнивались к тягчайшему государственному преступлению.

Маклаков, заручившись согласием министра иностранных дел Франции и руководствуясь решением дипломатических представителей союзных держав на совещании у американского посла Фрэнсиса 9 (22) ноября 1917 г. в контакты с советским правительством не вступать, оставил эту телеграмму без ответа, о чём уведомил российские посольства. Российские дипломатические представители единодушно под-

держали Маклакова.

26 ноября (9 декабря) Троцкий подписал новый приказ, в котором говорилось, что «ввиду неполучения ответа на посланные телеграммы и радиотелеграммы послам, посланникам, членам посольств Российской республики с предложением немедленного ответа о согласии работать под руководством советской власти на основе платформы II Всероссийского съезда, они увольняются со своих постов без права на пенсию и поступления на какие-либо государственные должности». Одновременно они лишались права производить с этого дня какие бы то ни было выдачи из государственных средств. 22 мая 1918 г. декретом Совета народных комиссаров, подписанным Лениным и Чичериным, были упразднены сами звания послов, посланников и других дипломатических представителей и переименованы в полномочных представителей РСФСР.

Для установления полного согласия между дипломатами в вопросе о координации их действий и для укрепления положения Маклакова в конце ноября 1917 г. в Париже был образован коллегиальный орган — совещание послов. 27 октября (9 ноября) 1917 г. стало начальной датой становления русского меньшевистского представительства за границей. В этот день одновременно друг с другом Набоков в Лондоне и Маклаков в Париже направили телеграммы своим коллегам в Риме и Вашингтоне. Первый предложил дипломатам «координировать их дальнейшие действия», второй — «установить единообразное отношение» к событиям в Петрограде.

Уволенные народным комиссаром иностранных дел Л.Д. Троцким русские дипломаты, таким образом, фактически оказались в эмиграции. Во время Гражданской войны они активно сотрудничали с правительствами Колчака, Деникина и Врангеля, оказывая им дипломатическую поддержку, вели подготовку образования и признания меньшевистского Российского правительства, оказывали содействие в снабжении белых армий. После её окончания, в связи с признанием СССР большинством зарубежных стран, продолжили работу под руководством совещания послов в специально созданных структурах, представлявших интересы русских эмигрантов.

14.

Зинаиду Филипповну разбудил солнечный луч. Всю неделю было пасмурно, дождливо, мрачно. С вечера шел дождь, а ночью ветер разогнал тучи и распогодилось. Она захотела погулять. После завтрака оделась потеплее и вышла во двор. Запах осенней листвы, свежести, яркое солнышко подняли настроение, придали сил. Решила пойти в сквер, метрах в трехстах от дома. Там посидеть на скамейке, погреться, быть может, в последних лучах перед зимой, а на обратном пути в гастрономе купить творог и кефир.

До сквера дошла легко. Доски на скамейках успели высохнуть, и она присела. Мимо проходили молоденькие мамочки с колясками, хихикали и тарахтели в свои смартфоны. Пожилые граждане шаркали старомодными башмаками, стучали по асфальту подкованными бадиками. Пролетали на бесшумных электрических самокатах с огромными коробками за спиной доставщицы еды. Солнышко грело, теплый ветерок убаюкивал. Она посидела, посидела и задремала.

Застрекотала сорока, увидев белку, Зинаида Филипповна почувствовала запах одеколона, которым после бритья брызгался муж.

— Лёня, милый мой Лёничка, — Зинаида Филипповна открыла глаза, в надежде увидеть мужа. Запах исчез. Она вытерла слезы, прошептала: — Как жалко, что тебя нет. Сколько же тебе досталось. А ты не обозлился, остался таким же веселым, добрым, слегка ироничным и наивным, как тогда, когда я тебя в первый раз увидела в 1945 году.

Зинаида улыбнулась, стала вспоминать:

Это случилось в такой же теплый осенний денек. Стройный, в гимнастерке с орденом «Красного Знамени» капитан шел по улице. А я только пришла с работы, постирала свое единственное платье, повесила на веревке возле дома сушиться, караулила, чтобы его не украли, и курила. Тогда многие женщины курили чтобы заглушить голод. Он остановился, посмотрел на меня, поздоровался и спросил:

— А вы не знаете, кто здесь сдает комнату?

— Знаю. В соседнем доме сдает старуха. Её зовут Полина Матвеевна.

— А как вас зовут?

— Зинаида Филипповна.

— А меня Леонид Семёнович. Вот и познакомились. Наш полк к вам в город передислоцировали из Праги. Всю войну, то в танке, то в блиндаже, то на больничной койке в госпитале. Надоело. Хочется в нормальной комнате пожить.

— Я знаю. Когда в город ваш полк вошел, был митинг и вы на нем выступали с трибуны. Хорошо говорили. Мне понравилось.

Он улыбнулся, сказал:

— Спасибо. Значит, мы получаемся старыми знакомыми, а теперь, если сдадут мне

комнату, еще и соседями будем.

Это у него так естественно получилось, что мы одновременно засмеялись. Я бы не смогла жить с человеком, у которого нет чувства юмора. Нет, не так: у которого не на одной волне с моим чувством юмора. А у Лёни было всё очень близко, все его дела, взгляды, мысли были мне близки. И юмор у него был мягким, ненавязчивым, не обидным. Через день, вечером, он шел со службы, мы снова встретились, я спросила:

— Сняли?

Он улыбнулся, кивнул, пригласил на новоселье:

— Приходите в воскресенье к обеду. Мои боевые друзья будут.

— А хозяйка не заругает?

— А мы и её пригласим, — подмигнул он. — Так придете?

Я пожала плечами. Сказала:

— Не знаю.

На том и расстались. А в воскресенье часов в одиннадцать в дверь постучали. Открыла. Он. Стоит, улыбается, говорит:

— Я за вами.

Пришлось идти.

Вспоминая, что было потом, Зинаида видела себя как будто со стороны и думала о себе в третьем лице.

В маленькой уютной комнате, кроме кровати, был большой стол, несколько стульев и тумбочка. За столом два офицера, старших лейтенанта и две женщины. Женщины хлопотали, накрывая стол.

«Давно я не видела такого стола. Горячая вареная картошка с укропом в большой миске, смешанная с тушенкой. Огурцы, помидоры. Селедка, порезанная на кусочки. В графинах не то коньяк, не то что-то подобное. Сразу и не понять. В другой миске жареные караси в сметане».

— Вы что, на продовольственном складе воюете? — не удержалась Зинаида.

Офицеры засмеялись.

— Нет, — сказал Леонид, — мы на танках воюем. А это паек выдали. Карасей мы выменяли у рыбаков на спиртное. А огурцы-помидоры и сметану на базарчике купили. Так что мы не тыловые крысы.

— Леонид у нас командир танковой роты, лучшей в бригаде, — показал на него широкоплечий старший лейтенант, сидевший ближе всех к входу. — Меня зовут Василий, а это Тося, моя подруга.

— Зинаида, моя соседка, — представил её Леонид и налил всем в стаканы коньяк.

— Давайте выпьем за нас. За то, что мы остались живы, победили, и за то, чтобы впереди у нас была долгая и счастливая жизнь!

— Ура! — дружно засмеялись офицеры.

Все стукнулись стаканами, выпили.

Леонид ухаживал за Зиной. Подкладывал еду, подливал из графина. Скоро все захмелели. Развеселились. Начали рассказывать забавные истории, которые приключались на фронте. Веселились, танцевали под патефон. К вечеру стали расходиться. Василию надо было заступать на дежурство, вторая пара тоже ушла. Леонид сказал, что проводит Зину. Они вышли из дома. Небо затянули тучи. Луна то появлялась, то снова скрывалась за ними. Мерцали редкие звезды. Они шли по брусчатой дороге. Накрапывал редкий дождь. Но был он такой мелкий и редкий, что и укрываться от него не хотелось.

— А вы живете одна? — спросил осторожно Леонид. — Или у вас кто-то есть?

— Сейчас одна. Муж умер еще перед войной. А сын учится в Суворовском училище. Всю войну были вместе. Вместе мерзли зимами, вместе голодали. В Алма-Ата. Сюда, на Западную Украину, меня направили сразу после освобождения этих мест от фашистов. Директор пожалел, думал, что здесь хорошо с продуктами. Видел, как мы с сыном голодали, и направил, чтобы отъелись, а заодно чтобы наладила тут работу. А оказалось, что и здесь не очень-то хорошо с едой, — Зинаида легко и привычно рассказывала свою легенду. — Сын узнал, что в Станиславе в спортивном техникуме бесплатное питание для студентов, и стал уговаривать его отпустить туда. Он парень крепкий, сильный от природы. Наверняка поступил бы. Я навела справки, узнала, что в этом техникуме полно шпаны учится. Поняла, что если отпущу, то могу потерять сына. Спросила, что делать. Мне сказали: «Поможем». Теперь он учится в Суворовском училище. Учитя хорошо. Один минус: далеко отсюда, — она говорила почти правду, и если отбросить некоторые подробности, то, в общем-то, так и было.

— О! — удивился Леонид. — У вас, должно быть, хорошие связи, — Зина пожала плечами и промолчала. — Голодно в войну было? — сменил он тему.

— Голодно, это не то слово.

— Теперь будет легче. Столько рабочих рук с фронта возвращается. Да и на ору-

жие траты в разы уменьшаются. Отстроим всё, что разрушено. Сельское хозяйство поднимем. Страну накормим и заживем счастливо!

— А у вас кто-нибудь есть? — спросила Зина.

— До войны был женат. А в сорок втором жена получила на меня похоронку и через год снова замуж выскочила.

— А дети?

— Детей у нас не было.

— Тогда не страшно. Не переживайте.

Леонид усмехнулся:

— А я и не переживаю. Мы не очень-то ладно жили. Какие-то глупые ссоры, постоянные допросы. Уж очень ревнивая она была.

— Должно быть, повод давали?

— Да нет, поводов не давал. Просто постоянные учения, командировки, ну и тому подобное. Я же, как говорят на гражданке, кадровый военный. Дома бывал редко, а она от этого психовала. Честно сказать, я даже рад, что так получилось. Что она вышла замуж. Пусть будет счастлива. Я не в обиде. Мы тут все еще никак не освоимся, за что нам такое счастье, что мы живые остались. Столько товарищей поубивало. У меня два брата тоже воевали, а я не знаю, где они, что с ними, даже точно не знаю, живы ли.

— А где искать, знаете?

— Примерно. Как отпуск дадут, поеду в Запорожье. Там до войны старший брат с семьей жил. Может, кого и найду.

— Конечно найдете.

— Зина, вы почему-то совсем не пили. Не понравился наш коньяк? Или болеете?

— Нет, не болею. Не люблю пить. А коньяк у вас отменный. Его что, тоже в пайке выдают? Что-то я сомневаюсь. Рассказывайте, откуда такой напиток? — Зинаида засмеялась.

— Военная тайна! — капитан тоже засмеялся.

— А все-таки?

Леонид посерьезнел:

— Вам скажу. Только дайте слово, что никому не расскажете.

— У проклятых немцев есть пословица: «Was Zwei wissen, wei auch ein Schwein», или в переводе: «что знают двое, то знает свинья», — Зинаида с улыбкой посмотрела в глаза Лёне. — А у Шекспира примерно тот же смысл в Ромео и Джульетте: «Тогда лишь двое тайну соблюдают, когда один из них её не знает».

— Ого, вы совсем не простая девушка! — удивился Леонид. — Откуда такие знания? Такое в газетах не пишут и сводках Информбюро не говорят.

— Оттуда. У меня высшее образование и хорошее начальное, — серьезно ответила Зинаида. — Так все же откуда такой хороший коньяк?

— А вы как поняли, что он хороший? Вы же почти не пили.

— Чтобы понять, достаточно пригубить, и все понятно. А если стаканами глушить, то как раз и не поймешь.

— Это точно! — согласился офицер и шепотом рассказал: — После того, как мы взяли Прагу, мою роту поставили на окраине города возле большого старинного дома. Почти замка. В нем никого не было. Видать, хозяева сбежали. Мы в этом доме и расквартировались. А через день прибегает ко мне командир взвода Василий, вы его сегодня видели, и говорит: «Товарищ капитан, пошли со мной в подвал, мы там такое нашли!» Ну, я за ним. Думаю: не дай Бог все заминировано или что-то подобное. Спустились по ступеням, а там огромный подвал. Потолки сводчатые из камня, кругом паутина. И ряды огромных бочек. Воины выбили пробку из одной, набрали в ведро, понюхали — вроде спиртное. А пить побаиваются. У нас очень строгий инструктаж был, что и еда, и напитки могут быть отравлены фашистами. В сорок третьем, может быть, и выпили бы, а теперь не пьют. Опасаются. Много смертельных случаев отравления было. А после капитуляции немцев умирать никому не охота. Не такие у меня алкоголики воины были. Короче, не дураки. Я дал команду из каждой бочки в одно ведро отобрать пробы. Набрали. Вышли во двор. Напоили свиней, которые были на скотном дворе в усадьбе, этой смесью. Те не сдохли. Мы день выдержали. Все нормально. В ближайших домах спрашивали. Разобрались, что хозяева занимались виноделием. Один старик у них работал. Он четко сказал, что ничего не отравлено. Для убедительности сам выпил. Ну, потом и мы распробовали. Но не усердствовали, понимали, что можно в трибунал загреметь, если кто из посторонних узнает. Простояли мы в том поместье месяц, а потом команда — передислокация. Но мои ребята соображучие. Очистили бочки из-под солярки, обожгли их слегка изнутри, обмыли спиртом, потом этим коньяком залили. И никому ни слова. Пьем понемногу и помалкиваем. Так мы сюда и доставили четыреста литров отличного коньяка. Кроме моих, а теперь и тебя, никто про это не знает.

— Дружные у вас солдаты. И не болтливые.

– Да, – кивнул Леонид, – по-другому на фронте нельзя. По-другому долго не проживешь. Погибнешь, если не прикрывать друг друга. Много раз проверено.

За таким разговором, вроде бы и ни о чем, они подошли к дому Зины. Попрощались и расстались.

А Зинаиде этот офицер запал в сердце. Она долго не могла уснуть, ворочалась, размышляла о нем, о себе. Ночью снились сны, но утром она их не вспомнила. Пошла на работу. Работала, делала какие-то дела, а мысли возвращались к Леониду. Она гнала их, боялась, что, если всерьез с ним начнет встречаться, ошибется. А все равно думала о нем. Не таком уж статном и красивом, слегка лысеющем, но аккуратном, подтянутом, вежливом. Да не в этом дело! Должно быть, женское чутье подсказало, что это её мужчина.

15.

До него был только один мужчина, в которого влюбилась. Сразу. Безоглядно и безрассудно. Тогда она была молоденькой девчонкой тринадцати лет, а он был отчаянным чекистом, одним из тех, кто руководил переворотом в Реште. Он вошел в дом вместе с отцом. Молодой, красивый, кареглазый, широкоплечий, среднего роста. С небольшой аккуратно подстриженной бородкой. Они долго разговаривали, потом он, уходя, увидел Зинушку, подошел к ней, попрощался и поцеловал руку. Это был первый мужчина, который поцеловал её руку.

– Кто это, папочка? – восторженно спросила Зинушка, когда он покинул их дом.

Отец посмотрел на дочку внимательно, покачал головой и сказал:

– Это Якуб-заде, комиссар штаба персидской Красной армии. Зачем приезжал, я так и не понял. Расспрашивал, есть ли у меня контакты в Афганистане, Индии, Месопотамии. Хвастался, как они лихо выбили из Энзели англичан и отбили весь каспийский флот, угнанный белогвардейцами из России, как теперь направляет действия революционного правительства Кучек-хана. Говорил, что скоро захватят Тегеран и Персия станет советской, а наша российская Красная армия пойдет на освобождение Индии. Мне он показался слишком молодым для серьезных дел, хвастуном и вруном.

Вторую встречу с этим человеком Зинаида Филипповна помнила ещё лучше.

Это произошло через несколько лет. В ворота постучали. Зинушка была рядом, открыла калитку и увидела Якубу-заде. Он сильно изменился. Появились залысины, седые волосы. Может быть, поэтому волосы были коротко подстрижены. Бороды не было. Одетый в тройку темно-коричневого цвета, белую рубашку и в тон костюму галстук, выглядел модным европейским коммерсантом.

– Могу я увидеть Филиппа Мефодиевича? – спросил он.

– Папы нет. Но скоро приедет. Проходите, пожалуйста. Вы можете его подождать,

– Зина разволновалась, увидев человека, о котором много думала и вспоминала.

Он поблагодарил. Прошли в дом. Она предложила воду с лимоном. Сказала, что отец называет это лимонным компотом. Гость улыбнулся. Согласился. Зинаида принесла кувшин и два стакана. Налила гостю и себе. Выпили. Наступило неловкое молчание. Зинаида улыбнулась. Оба засмеялись.

– А я вас помню, – заговорила Зинаида. – Вы Якуб-заде. Вы были у нас несколько лет тому.

Гость кивнул:

– Только я теперь не Якуб-заде. Меня теперь зовут Якуб Султанов. Я персидский купец, – он поднес палец к губам: – Только про то, что я был Якубом-заде, никому не говорите, а то мне отрубят голову, – Зинушка изобразила ужас на лице и закрыла руками рот. Оба рассмеялись. – Я тоже вас помню. Вы тогда были маленькой девочкой, а теперь превратились во взрослую красавицу, – он наклонился, взял её руку и поцеловал. Так же как тогда.

Зинушка покраснела, но быстро взяла себя в руки и спросила:

– Аз ашнаи шома хейли хошбахтам! Шамо ба забан фарси? (Рада познакомиться! вы знаете фарси?)

Он ответил, что тоже рад познакомиться, но его персидский желает гораздо лучшего, и перешел на русский:

– А вы прекрасно владеете фарси.

– И не только фарси. Я знаю английский, немецкий, французский и немного хинди. А еще я свободно в парандже посещаю мечети, молюсь и могу соблюдать все правила, которые соблюдают здесь мусульманские женщины.

Якуб слушал, кивал головой. Зинаиде удалось удивить этого человека.

– Я, чтобы хоть как-то овладеть арабским, турецким, монгольским и китайским, два года учился с утра до ночи, а вы вот сколько знаете! Вы готовый разведчик! Немного специальной подготовки, и можно отправляться на нелегальную работу в половину стран Ближнего Востока.

В это время в комнату вошел отец.

— Но-но, уважаемый Яков. Не вербуйте, пожалуйста, мою дочку. У меня дочерей не так уж много, чтобы отправлять на верную гибель, а если не на гибель, то в тюрьму. Якуб оглянулся, встал, поклонился:

— И в мыслях не было, Филипп Мефодиевич. Здравствуйте! Прежде всего хочу вас поблагодарить и от себя, и от имени советского правительства за помощь. Те контакты, которые вы мне передали, оказались очень, очень полезными.

— Рад помочь. Чем могу еще быть полезным? Пройдемте в кабинет.

Они уединились. Часа через полтора вышли. Отец сказал, что пора обеденная, и пригласил Якуба отобедать. За обедом Якуб рассказывал интересные случаи из своей жизни. Читал стихи Велемира Хлебникова, говорил, что тот был агитатором в его политотделе персидской Красной армии. Рассказывал о дружбе с поэтами Сергеем Есениным, Вадимом Шершеневичем, Владимиром Маяковским. Стихи этих поэтов Зинаида читала, но про то, какие они в жизни, конечно, не знала и не подозревала, что поэты могут быть такими, как про них рассказывал этот человек. А он рассказывал уже про другое. Про то, как всего год назад воевал с контрабандистами на Кавказе на границе с Турцией. Потом был в Афганистане и в Индии, в Монголии. Был вместе с экспедицией Николая Рериха на Тибете, искали Шамбалу.

— А как же вы её искали, эту страну? Её сотни, а может быть, тысячи лет не могут найти, — спросил отец Зинаиды.

— Хороший вопрос, Филипп Мефодиевич, — ответил Якуб. — Мне повезло. Когда я в Индии налаживал связи с людьми, сочувствующими нашей революции, переодевшись в дервиша, в одном из караван-сараяев познакомился со старым монголом. Он шел как раз оттуда. Разговорились. Он сразу раскусил, что я ненастоящий дервиш. Я ему признался. Он оценил мое признание и, так как боялся, что скоро умрет и его знания пути в эту страну счастья и знаний никто не узнает, показал мне карту с проходами через перевалы, которые приведут в Шамбалу. Эту карту он велел мне заучить наизусть. Что я и сделал. Потом приказал нарисовать её по памяти на песке. Я нарисовал. Он убедился, что я запомнил, и сказал самое тайное. Сказал, что в Шамбалу никогда не сможет попасть человек со злым сердцем. Потому, прежде чем туда идти, надо долго отмаливать грехи. Очиститься от скверны и только потом отправляться в путь. Да вдобавок в пути не озлобиться.

— Непросто, непросто туда попасть, — сказал отец.

Обед закончился. Якуб поблагодарил за гостеприимство и попросил отца:

— Уважаемый Филипп Мефодьевич, если Зинаида Филипповна не возражает, могли бы мы с ней погулять по Мешхеду. Очень мне необходимо хоть немного постажироваться в фарси. А она его знает в совершенстве. Гарантирую её безопасность.

Отец согласился, и они отправились бродить по старым улочкам. Зинаида задавала Якову вопросы на фарси. Тот отвечал. Когда ошибался, она поправляла. Часа через два Зинаида спросила:

— Якуб, вы бывали в Индии?

— Да. Переоделся в дервиша и прошел много верст по дорогам. Объяснялся жестами. Никто меня не разоблачил.

— А вы в Голубых горах бывали?

— Нет, но много слышал про те места. А почему вы спрашиваете?

— Я там больше года жила. В племени тодов. Святые люди. Они как будто из другого мира. Мерзкие англичане обманом отняли у них землю и ведут все к тому, чтобы уничтожить. Ненавижу англичан! Готова с ними бороться!

— Признаться, я тоже, — Якуб посерьезнел и сказал без малейшего налета иронии:

— Но я уже борюсь. И не только с англичанами, а вообще с мировым капитализмом. У капиталистов независимо от национальности одна цель — деньги, нажива, а для этого любые средства хороши. И обман, и убийство, и эксплуатация. Английский профсоюзный деятель Томас Даннинг еще в середине прошлого века очень точно сказал про суть капитализма: «Если у капитала имеется достаточная прибыль, он становится смелым. При 10 процентах прибыли капитал согласен на всякое применение, при 20 процентах он становится оживлённым, при 50 процентах положительно готов сломать себе голову, при 100 процентах он попирает все человеческие законы, при 300 процентах нет такого преступления, на которое он не рискнул бы, хотя бы под страхом виселицы. Контрабанда и торговля рабами убедительно доказывают вышесказанное». Карл Маркс в своем огромном труде «Капитал» именно это определение сущности капитала подчеркивает. Вот именно — нет такого преступления, на которое капитал не пойдет ради трехсот процентов прибыли. И никакая мораль и право не смутят его. А потому этот строй капиталистический должен быть уничтожен! Этим мы и занимаемся.

Зинаида восторженно на него смотрела:

— Якуб, я готова вам помогать!

Он кивнул, взял её руку и крепко пожал.

— Спасибо! Я вам скажу секретные сведения. Их никому нельзя говорить. Мое настоящее имя Яков Блюмкин, а не Якуб-заде или Якуб Султанов. Я резидент иностранного отдела ОГПУ. Совсем недавно в Турции организовал фирму по продаже вывезенных из России древнееврейских рукописей и книг. Но это прикрытие. Чтобы иметь возможность перемещаться по Ближнему Востоку и Европе. В ближайшее время снова туда отправлюсь. Ваш батюшка мне и в прошлый раз помог, и в этот дал имена и адреса людей, к которым можно обратиться за помощью. Я сформирую внутри этих стран ядро будущих борцов за революцию. Так мы уничтожим мир капитала. Принесем свободу всем угнетенным народам.

Зинаида кивнула. Сказала, что его слова никому не передаст, даже отцу.

— Советская власть прорабатывает возможность наступления через Афганистан и Персию в Индию, — продолжал Блюмкин. — Как только нам удастся поднять освободительную борьбу индусов против англичан, мы с севера из Афганистана по проработанным маршрутам придем на помощь. Подготавливаем конный корпус в сорок тысяч пехотников и сабель. Поставим оружие для борьбы. Освободим этот народ с тысячелетней историей от рабства и угнетения британскими капиталистами.

Гуляя по узким, кривым улочкам, подошли к Мазару имама Резы.

— Вы, Зинаида там были? — спросил Яков, показав на мавзолей.

— Да, мусульманкам можно приходиться. Я одевалась в паранджу и, когда положено, приходила и молилась.

— Вы подвергали себя смертельной опасности. Было страшно?

— Было интересно. Опасность была. Если бы узнали, что я неверная, в лучшем случае сразу убили.

— А в худшем?

— В худшем поступили бы, как с блудницей. Засунули бы в мешок, бросили туда дикушку кошку, мешок завязали и стали бить палками. Кошка от страха и ужаса начала бы царапать. Смерть была бы долгой и мучительной.

Яков смотрел на неё онемев. Потом обнял, поцеловал в лоб и сказал:

— Пойдем отсюда.

Яков начал рассказывать, как совсем недавно, в конце лета 1925 года, приехал в горный район Таджикистана под видом сотруди́ника акционерного общества «Шерсть». Нашел проводника через Памир. Договорился с ним и примкнул к каравану с паломниками. Когда преодолели перевал и вошли в Индию, его арестовали англичане. Несколько дней провел в тюрьме, а потом был отправлен в Читрал. Там его, скорее всего, расстреляли бы. Но он сбежал. Англичане ловили, но удалось скрыться, и в середине сентября он был уже в экспедиции Николая Рериха под видом монгольского ламы. Говорил, что экспедицию Рериха в Тибет не пустили, а ему с маленькой группой чекистов удалось проникнуть. По приказу Дзержинского, он должен был обнаружить город богов, а главное, знания и технологии предыдущих цивилизаций земли. Надо было получить оружие невероятной разрушительной силы, которое необходимо руководству СССР для постройки коммунизма во всем мире.

— И как, удалось? — спросила с иронией Зинаида.

— А как же, конечно удалось! — засмеялся Яков и подмигнул. Они вернулись к родительскому дому. Яков повторил то, что уже сказал: — Отсюда я поеду сначала в Турцию, потом в Месопотамию, Египет, Европу. Если повезет, сумею получить визу и поеду в Палестину. Везде буду связываться с людьми, которые симпатизируют нашей борьбе. Буду организовывать агентурную сеть на Ближнем востоке и в Европе. Когда вернусь, мы подумаем вместе, где бы вы могли применить свои силы и знания с максимальной пользой для нашей борьбы.

Они попрощались, он начал было уходить, внезапно повернулся, обнял Зину, нежно поцеловал в губы. Потом поцеловал её руку и быстрыми шагами ушел. Зинушка долго смотрела вслед, а когда скрылся за поворотом, поняла, что больше его не увидит.

16.

Весной 1920 года в Мешхед хлынул поток беженцев из России. Если раньше в неделю появлялось не больше трех-пяти человек, то теперь это были десятки людей. Они рассказывали про ужасы, которые пришлось пережить, про зверства красных, расстрелы, экспроприации. Про то, что людей выгоняют из своих домов, отнимают эти дома, про голод и разруху в стране, да много еще про что рассказывали. Радовались, что здесь могут спокойно спать, без опасения быть арестованными и расстрелянными. Радовались, что есть еда. Филипп Мефодьевич помогал этим несчастным чем мог. Устраивал бесплатные обеды. Благо птичник и скотный двор сохранились. Давал ноч-

лег в пристройке к дому. Люди приезжали, приходили в себя, находили какую-нибудь работу, благодарили за помощь, уезжали. Многие не хотели оставаться в нехристианской стране. Искали возможность переехать в Европу, Америку, даже в Австралию, находили такую возможность и уезжали. Обычно в неизвестность.

Зинаида давно помогала по дому. Вместе с матерью готовила еду. Убирала во дворе. Работала на огороде и в саду. С ней работали младшие девочки — сестра Люба и племянница Ниночка. Вместе с братом они помогали отцу. Вели бухгалтерские книги, записывали, когда и на что были потрачены деньги. А этих самых денег становилось в семье все меньше и меньше. Со всеми персами, которые помогали по хозяйству в этой усадьбе Морозовых, пришлось расстаться. Даже с Махмудом. Отец ему объяснил, что денег нет. Что закупки и шерсти, и хлопка вести не на что. Да и непонятно, куда и кому их теперь отправлять. Махмуд предложил работать на англичан. Тем более, что несколько раз это получалось удачно. Отец согласился. Они стали работать вдвоем и вырученные деньги делили поровну. Но у англичан тоже не всё ладилось.

В начале лета двадцатого года возле базара отец увидел двух оборванных изможденных казаков. То, что это были казаки, Филипп Мефодьевич понял по остаткам формы. Бедняги просили милостыню. Просили неумело. Время от времени из глаз выкатывались слезы. Подошел. Разговорился. Оказалось, что они уже и не помнили, когда ели. Привел домой. Накормил. Устроил на ночлег. Подобрал одежду. Когда немного оклемались, начали рассказывать. Оказалось, что они казаки из Уральского казачьего войска, разбитого красными. В конце девятнадцатого года атаман Толстов повел остатки своей армии из-под Астрахани по восточному берегу Каспийского моря в форт Александровский. А это было более тысячи километров. Вышло почти 16 тысяч человек. Много беженцев, больных, раненых. В форт, куда они направлялись, заранее завезли провиант, амуницию, одежду, обувь, боеприпасы и оружие, много денег — несколько ящиков серебряных монет. Оттуда должны были переправиться на кавказское побережье в Порт-Петровск и соединиться с белогвардейцами.

Погода способствовала. Стояли сильные морозы, у берега вода замерзла. Образовался толстый лёд, по нему и решили двигаться. Но через несколько дней резко потеплело, лёд начал таять и ломаться под обозом. Многие повозки утонули. Многие потеряв, добрались до последних поселений перед пустыней — Жилой Косы и Прорвы. В Жилой Косе и военным, и беженцам выдали продовольствие скудное, но его должно было хватить на 30 дней пути. У кого были кони, здесь их можно было обменять на неприхотливых и приспособленных к пустыне верблюдов. Дальше до Александровска — около 700 вёрст безлюдной пустыни. А идти по пескам надо было в тридцатиградусный мороз при сильном ветре.

Красные напирали, и атаман понадеялся на авось. Дрова быстро закончились, пища тоже. Стали резать и есть лошадей. Ночевали в снегу. Люди жгли всё, что горело. Сначала жгли телеги, сёдла, а потом даже деревянные приклады винтовок ломали и бросали в костры. Ночами ложились вокруг костров, а утром многие уже не просыпались. Каждый привал утром превращался в кладбище из замерзших. Люди в отчаянии убивали свои семьи и себя, чтобы избавиться от мучений. Через ледяную пустыню к марту 1920 года прошло около трех тысяч обмороженных, голодных и больных. Дойти сумели только сильные, молодые и те, кто сумел раздобыть перед переходом теплую одежду и обувь. Местные кочевники, почуяв безнаказанность и добычу, зверствовали. Нападали на небольшие группы оставших или пытавшихся вернуться людей, убивали и грабили их.

Из Александровска переправиться в Петровск было уже невозможно. Он был занят войсками Красной армии. Большинство измученных людей решили остаться и сдать красным. Атаман генерал Толстов с небольшим отрядом чуть более 200 человек, немного отдохнув, ушёл в новый поход в сторону Красноводска и далее в Персию и через два месяца тяжелейшего похода 2 июня 1920 года дошел до персидского городка Рамиану. В отряде осталось 162 человека.

— Мы не захотели дальше идти с Толстовым и ночью, когда все заснули на привале, отделились и отправились, в надежде на лучшую жизнь, в Мешхед. Остальные с атаманом собирались пойти в Тегеран, на службу к англичанам, — закончили свой трагический рассказ эти двое. — Вышло 16 тысяч, а в Персию, в которую мы вначале и не собирались идти, пришло 160 человек. Возможно, те, кто сдавались, уцелели, но этого мы не знаем. Генерал говорил, что красные в плен не берут. Да и местные бандиты не лучше.

Зинаида запомнила этот рассказ, но не всему поверила. Когда остались одни, спросила отца, верит ли он.

— Видишь ли, Зинушка, — ответил тот, — то, что эти люди пережили, конечно, не дай Бог никому. Про их путь по пустыне верю. В зверства красных не очень. Эти казаки, должно быть, красных не по головке гладили. Должно быть, много крови и на

них. В России идет война. Русские люди воюют с русскими. Я думаю, что нет ничего страшнее этого. Большевики хотят изменить устройство жизни. Хотят сделать его более справедливым. Белые хотят, чтобы все оставалось по-старому, потому что им там, в этом старом, было хорошо. Думаю, что все в этой войне неправы, все виноваты. Не смогли и не хотели договориться.

— А ты думаешь, можно было договориться? — удивилась Зинаида.

— Думаю, если бы собралось Учредительное собрание, то можно. Но этого большевики не захотели. Опасались потерять власть, которую захватили в октябре семнадцатого года. Думаю, что отсюда и пошла эта бойня. Разбудил народ зверя, зверь кровь почуял, почуял власть и теперь нескоро напьется крови. Сама видишь. У нас теперь два пути. Или бежать от него, как многие и делают, или воротиться на родину, приспособиться жить с ним, а там как будет.

Зинаида обняла отца:

— Папочка, я всегда буду с тобой. Буду помогать. Я буду искать решение и найду его.

— Милая, меня печалит, что тебе надо бы учиться в университете, а тут их нет. Да и денег на обучение у нас теперь нет. Скорее бы все определилось. Так я истосковался по России, по Москве. Душа туда рвется. Ведь мы ничего не знаем про нашу Машеньку, — на глазах у отца появились слезы. Он не плакал, а они текли из глаз, текли... Отец отер глаза, улыбнулся: — Видишь, доченька, бегут из России дворяне и люди богатые, а мы-то с тобой из крестьян! — он подмигнул. — А значит, большевики и советы — это наша с тобой власть. Нам-то её незачем бояться. Будем ей помогать.

Зинаида поняла, что отец принял решение. От этого вдруг стало спокойно.

Много лет спустя, когда Зинаида Филипповна читала «Бег» Булгакова, она вспомнила рассказ казаков. Подумала: «Зачем бежали? Куда? Что стало с теми запутавшимися в водовороте революции и гражданской войны казаками? 160 оставшихся с генералом Толстовым дошли до Тегерана. Толстов предложил англичанам включить уральских казаков в экспедиционный корпус в Персии. Британцы не стали этого делать и перевезли их во Владивосток, где еще белогвардейцы воевали с Красной армией. Потом, выбитые с Дальнего Востока, ушли в Китай. Оттуда кто-то уехал в Европу, кто-то вместе с Толстовым в Австралию.

17.

В двадцать третьем году в Мешхедское консульство приехал новый консул Апрецов Гарегин Абрамович. Он пригласил в консульство всех оставшихся в Мешхеде русских. Пришли немногие. Среди них была семья Зинушки. Консул рассказал о том, что в стране закончилась полная победой советских войск гражданская война. Что начинается строительство новой мирной жизни, свободной от угнетения. Много что еще говорил неизвещенного для живших здесь русских людей. Потом поблагодарил, что не дали разграбить здание консульства, сберегли. Разрешил задавать вопросы.

Отец слушал, что отвечал новый консул, сам вопросов не задавал. После встречи, когда народ разошелся, подошел к консулу, рассказал, кто он, как сюда попал. Рассказал, что уже оказывал содействие советским разведчикам. Сказал, что готов и в дальнейшем помогать. Попросил устроить его на работу. Консул внимательно слушал, кивал. Ответил, что, скорее всего, Филипп Мефодьевич после проверки сможет делать здесь ту же работу — закупать шерсть и хлопок. Только теперь не для капиталиста Морозова, а для советской власти. Так и случилось. Через месяц в Мешхед прибыл человек, который возглавил государственную организацию по закупке шерсти и хлопка в Персии. Прибывшая с ним жена стала главным бухгалтером. Появилось в этой конторе еще человек пять, которые чего-то делали. Приняли в эту контору и отца Зинаиды.

То, чем раньше занимался он один, теперь делала целая контора, которая постоянно согласовывала работу с центральным московским аппаратом. И разрешение на покупку они получали часто уже тогда, когда шерсть была продана другим заказчикам. Начальник беспробудно пил вместе со своей секретаршей, его жена устраивала скандалы, срывала зло на других работниках. Склады были почти пустыми. Во всех провалах, когда выходил из запоя, этот начальник обвинял Зинушкиного отца. Шипел на него, говорил прежде не употребляемые слова: «саботаж», «контрреволюция», «классовый враг». Грозился посадить в тюрьму, а то и расстрелять.

Филипп Мефодьевич долго терпел это безобразие, превратился из веселого, доброго человека в молчаливого, угрюмого. Дома ничего не мог делать, а если и брался за что-нибудь, то ничего у него не получалось, и бросал. Анисья Дмитриевна видела, что с мужем происходит неладное. Спрашивала. Отец отмалчивался, а как-то не выдержал и рассказал:

— Анисьюшка, эти подлецы подведут меня скоро под расстрел. Пьют беспробуд-

но, скандалят. Чувствую, что воруют, а подставляют меня. Они же присланы из Москвы, считаются революционерами, а я им чуждый элемент. Меня и слушать не станут. Что тогда с вами будет? Сперва я, а после и вы все пропадете.

Жена обняла своего Филиппа, сама заплакала, а потом говорит:

— Филипп Мефодьевич, а ты Расскажи про все про это консулу. Мне представляется, что он ничего про это не знает. Все время в разъездах. А человек мне показался правильным.

— Да что ты. Не могу я доносить. Неприлично это.

— А орать на тебя этим проходимцам — что, прилично? А пропивать казенные деньги — прилично? Сходи, милый, обязательно все ему Расскажи.

Послушался. Записался на прием. Пришел. И рассказал обо всем этом консулу. Сказал, что сам он из крестьян и классовым врагом самому себе быть не может, много чего еще рассказал про деятельность этих паразитов. Консул выслушал, долго молчал, потом тихо, вроде бы сам с собой заговорил:

— Беда не в том, что такое здесь, можно сказать, прямо под моим носом случилось. Беда, что такое происходит повсеместно. И здесь, и в России. Во всей нашей советской России. Не о таком мы мечтали, когда делали революцию, не о таком. Но что есть, то есть. Будем искоренять! — ударил ладонью по столу.

Через несколько дней вся эта «шерстезакупочная» команда была отправлена в Россию. А еще через несколько дней консул пригласил отца Зинаиды к себе:

— Филипп Мефодиевич, советской России нужен очень чистый хлопок. Скажу честно, не для ситцев или еще каких тканей. Для них хватает собственного, среднеазиатского, хлопка. Очень чистый хлопок нужен для изготовления взрывчатки и порохов. Причем специального назначения. Этот наш разговор секретный, подпишите, пожалуйста, вот эту бумагу, — Апресов пододвинул к Филиппу Мефодьевичу заполненный лист. Тот прочитал и расписался. — Хорошо, — сказал консул. — Можете вы нам в этом деле помочь?

— Могу. Я знаю, у кого есть такой хлопок. Знаю, как определить его чистоту. Вопрос в том, подойдет ли он для тех целей?

— Давайте сделаем так: вы закупаете образцы хлопка. Килограмм пятьдесят. Я его переправляю к специалистам, те проверяют, и если он подходит — закупаем все, что есть.

— До массового сбора хлопка остается совсем мало времени. Мы не успеем, если будем так действовать. Пусть лучше специалисты с оборудованием и химическими реактивами срочно прибудут сюда. Или напишут список всего необходимого. Я узнаю, возможно ли это купить здесь или в Тегеране, например, для школьного химического кружка. Заодно пусть придумают, что можно купить ненужного, для того чтобы отвести подозрения.

Гарегин Абрамович усмехнулся:

— Умно. Вы, Филипп Мефодьевич, прирожденный конспиратор и разведчик! Я до завтра проработаю и немедленно сообщу вам. Очень рад, что в вас не ошибся.

Уже на следующий день, после обеда, отец Зинаиды отправился искать лабораторную посуду и реактивы для школьного химического кружка. Он показывал продавцам список, ворчал, что его достали эти новые власти своими выдумками. Всеми этими уроками химии. К вечеру привез в школу при посольстве все и даже больше. Зинушка помогла отцу распаковать, устанавливать на столах стеклопосуду, химические реактивы и прочее. А еще через три дня прибыли «учителя» в новую советскую школу. К этому времени несколько тюков хлопка были доставлены с плантаций. Хлопок оказался отличным, и отец закупил очень большую партию, которую тут же отправили в советскую Россию.

Консул наградил отца грамотой Министерства иностранных дел, а это в те времена для него было очень значимо. Благодарность получила и Зинушка. Получила она и должность лаборанта по определению качества сырья для легкой промышленности с соответствующей зарплатой.

С этого времени отец стал заниматься тем, чем занимался и до революции у Морозова — закупкой сырья. В помощь ему прислали двух человек, для которых, как объяснил консул, эта работа — прикрытие. А на самом деле, их задачей было выявлять среди местных персов и эмигрантов тех, кто сотрудничает с британской разведкой. А таковых было немало. В это время Мешхед, расположенный недалеко от Туркестана, стал удобным местом для различных контрреволюционных организаций. Здесь были отделения и «Российского общевоинского союза», и «Туркестанского повстанческого комитета», и «Узбекского националистического движения». Все они подкармливались резидентами британской разведки и занимались подрывной деятельностью против советской России.

Для Гарегина Абрамовича должность консула тоже была дипломатическим при-

крытием. Он одновременно от ИНО (иностранного отдела) ОГПУ руководил резидентурой в Мешхеде. Его сотрудники выявляли британских агентов на советско-персидской границе и в Туркестане. Ему было необходимо проникнуть в резидентуру британской разведки в Мешхеде, выявить пути заброски агентов на советскую территорию и перекрыть доставку оружия и боеприпасов племенам туркмен, готовым поднять восстание против советской власти.

К этой работе ненавязчиво консул подключил Филиппа Мефодиевича. Тот для закупки хлопка и шерсти бывал на территориях вблизи границ с Туркестаном. Для конспирации отцу Зинаиды разрешили подрабатывать у англичан, закупаая, как и раньше, хлопок и шерсть для них. Одному ему было сложно. Требовался помощник, знающий фарси. Потому в поездки он стал брать Зинаиду. Работа на англичан позволяла проникать в такие места, куда путь советским был закрыт или ограничен. Чтобы не привлекать внимания, Зинаида переодевалась в одежду брата. Она коротко постриглась, стала ходить в кепке, куртке и брюках. Старалась говорить поменьше и более низким голосом. А дома тренировалась. Делала специальные упражнения, и вскоре голос стал походит на юношеский. Контролировала и манеру держать себя не по-девичьи. Зинушка все схватывала налету. Реакция — мгновенная. Спросишь, договорить не успеешь, а у неё уже ответ готов. Так они вдвоем с отцом стали работать на НКВД. Хотели не хотели, а стали. Отец — не то чтобы поневоле, а как-то само собой получилось, что завербовал его консул. А Зинаида, догадавшись, сама попросилась.

Однажды консул попросил отправить грузы через другую таможеню. А еще попросил не спешить с отправкой, а задержаться там, быть очень внимательными и понаблюдать за персидскими отправителями:

— Пограничники просили помочь. Сами не могут обнаружить контрабанду. Может быть, вам удастся.

Зинушка решила действовать по-своему, и ей удалось. Заметила, что мешки, в которых персы перевозят товары, крепкие, новые, но на некоторых нашиты заплатки. Ей показалось такое странным, и она тайно сказала об этом коменданту погранучастка. Тот провел тщательный досмотр. Оказалось, что под заплатами защиты бриллианты, изумруды и валюта. За сообразительность и находчивость Зинаиду наградили. Выдали хорошую премию.

Консул, награждая, обнял Зинушку и тихонько, чтобы другие не слышали, сказал:

— Зиночка, вы теперь по-настоящему испытанный в деле наш внештатный сотрудник, должно быть, самый молодой в иностранном отделе НКВД, — подмигнул и добавил: — И уж точно самый красивый ИНО-агент.

18.

Во время поездок вблизи советской границы, разговаривая с персидскими пастухами и крестьянами, они узнавали, приезжал ли кто, кроме них, за хлопком, шерстью и вообще появлялись ли чужие люди, куда направлялись. Постепенно складывалась картина о местах перехода границы, путях перевозки контрабанды и оружия.

Бывая у консула с подробными отчетами и рассказами о жизни персов, Зинаиде приходилось встречаться с различными людьми. Часто консул просил её поговорить с тем или иным его гостем. Ответить на вопросы. Потом оказывалось, что это были не просто праздно любопытствующие люди, а большие дипломаты и разведчики, для которых сведения, полученные от Зинаиды, были чрезвычайно важными. Зачастую, не зная тонкостей здешней жизни, эти люди были обречены на провал.

Познакомилась она и со многими известными людьми. В гости к консулу однажды приехал генеральный консул в Йемене Карим Хакимов. Зинаида оказалась в это время у консула. Гарегин Абрамович представил её. Карим Хакимов заинтересовался девушкой. Много расспрашивал Зинаиду о том, как живут простые люди сейчас, что изменилось за последние пять лет. Говорили они на фарси. Он похвалил её за хороший язык. Пригласил с ними отобедать. Во время обеда поведал, что здесь, в Мешхеде, в самом начале двадцатых годов он начинал простым сотрудником иностранного отдела ОГПУ, а потом его перевели в Хиджаз. Рассказывал, как совершил хадж.

— Это же в Саудовской Аравии, в Мекке? — спросила Зина.

— Э, душа моя, тогда еще не было такого государства. Тогда на Аравийском полуострове шла война. Абдель Азиз ас-Сауд объединял племена. Я на автомобиле сумел проехать через пустыню к нему и вручил от имени советской страны ноту, в которой мы признавали Саудовскую Аравию как независимое государство, — он засмеялся: — Мы первыми это сделали. Британцы чуть не лопнули от злости. А я подружился с ним и стал личным другом основателя и первого короля Саудовской Аравии Абдул-Азиз ибн Абдурахмана Аль Сауда, четырнадцатого главы династии Саудитов.

Настроение у дипломатов было хорошим, они много шутили. Зинаиде было лестно

находиться в такой компании.

— Что-то ты, Красный паша, расхвастался сегодня, — Апресов шутливо погрозил Хакимову пальцем.

— А почему бы и не похвастаться перед красивой умной образованной девушкой, — ответил генеральный консул. — Что бы с нами, — он показал на себя и Гарегина Абрамовича, — в будущем ни случилось, мы свои имена в историю уже вписали.

Оба они вдруг погрузстнели. Стали суровыми и надолго замолчали.

— А почему вы Красный паша? — прервала их молчание Зина.

— Это его так в Саудовской Аравии все называют, — объяснил Апресов.

— Ты нас, красавица, не забывай. А главное, поступай в университет и учись. Ты молодая, получай, пока есть возможность, знания, они тебе позволят смотреть на мир широко открытыми глазами. А еще, запомни совет стариков, побольше слушай, поменьше говори. Будь счастлива, дочка, — закончил разговор Хакимов и грустно посмотрел на девушку. — А теперь оставь нас, пожалуйста. И никому не рассказывай, что сейчас слышала.

Зинаида встала из-за стола, пожелала дипломатам здоровья и, поклонившись, ушла.

Зинаида верила в свою счастливую судьбу и с радостью выполняла поручения резидента. Её не заботили, рискованные они или нет. Досадовала она лишь на то, что была девушкой. Что для того, чтобы не бросаться в глаза здесь, в мусульманской стране, должна была либо переодеваться в парня, либо ходить то в чадре, то в платке, а иногда в никабе.

Несколько раз, чтобы могла поближе познакомиться с жизнью в СССР, её командировали в Ташкент и Ашхабад. Там не было необходимости переодеваться и надевать восточные женские одежды. Ташкент и Ашхабад в те времена были не очень большими городами. Многие постоянные жители знали друг друга, а появление новых лиц было сразу заметно. Сотрудники НКВД решили использовать Зинаиду как только что приехавшую в город беженку из центральной России, желавшую перебраться за границу и искавшую, как это сделать. И если на неё кто-то выйдет, то взять этих агентов, раскрутить и выявить сеть. Требовалось попривыкнуть к жизни в советской России, вжиться в образ. Зинаида взялась выполнить задание с двумя условиями. Во-первых, об этом не должны знать в её семье, а во-вторых, потом, когда все удачно завершится, руководители ОГПУ помогут ей поступить учиться в институт.

Апресова в то время уже отозвали из Мешхеда. На его место был назначен другой резидент. Зинаида Филипповна со временем забыла его фамилию, а вот как он работал, вернее, не работал, помнила. Он всю эту схему придумал и очень ей гордился. Зинаиде новый резидент не понравился. Как ей казалось, был лентяем и вообще туповатым, но очень хвастливым, завистливым и амбициозным. Но она не видела для себя другой возможности поступить в университет. Потому и согласилась. Резидент рассмеялся и сказал:

— Это не вопрос. В институт поможем поступить. Ты, главное, Зиночка, не робей, подготовься основательно. А мы тебя подстрахуем. А пока помоги нашим ребятам в одном мелком дельце. Мой помощник тебя введет в курс дела.

Помощник рассказал, что Апресов, когда был резидентом в Мешхеде, сумел завербовать чиновника на персидской почте. Должность этого чиновника была маленькой и незаметной, но это на первый, непрофессиональный взгляд. Он занимался тем, что сортировал приходящую на почту корреспонденцию и ту, которая предназначалась английскому консулу, передавал в британское консульство. Дело в том, что не вся корреспонденция шла тогда у британцев по дипломатическим каналам. Многие отправлялось обычной почтой. Работая на нашу разведку, он всего-то-навсего не спешил отдавать такую корреспонденцию в тот же день, а отдавал на следующее утро. Поздно вечером передавал эту почту нашим агентам. Те доставляли её резиденту. Он вскрывал конверты, делал копии, запечатывал, и агент возвращал чиновнику. Наутро чиновник доставлял запечатанные конверты в английское консульство. Делалось все профессионально и аккуратно. Подозрений у англичан не возникало. Платили чиновнику по одному доллару за пакет, а получали ценную информацию.

— Теперь, когда Апресова отозвали, новый резидент поставил перед сотрудниками другие задачи, а этой заниматься стало некому, — продолжал помощник резидента, — вот он и предложил тебя к этому делу подключить. Согласна? Будешь осуществлять доставку писем?

— А как?

— Да так! Топ-топ ножками. Топ-топ. Пришла. Взяла. Принесла нам. Потом отнесла назад и отдала. Понятно?

— Понятно, — сказала растерянная Зинаида.

Она согласилась, не совсем поняв, что требуется делать. Когда же поняла — испу-

галась. Ей, молоденькой девушке, предстояло одной, ночью идти по городу. Забирать у мужчины почту, потом возвращаться обратно, ждать, пока содержимое скопируют, и отнести обратно. В Персии женщины не ходили одни по ночам по городу. Она сказала об этом помощнику резидента. Тот недавно прибыл из России и плохо понимал здешние обычаи и нравы. Подумал и сказал:

– Ты, Зинаида, ходи в парандже. Ты же знаешь персидский. Если остановят, скажешь, что отцу плохо, вот и послал за доктором.

Зинаида спорить не стала. Ведь дала согласие. Продумала, какой дорогой безопаснее идти. Сшила холщевую сумку с длинной ляжкой, которую можно вешать на шею. Сумка эта с пакетами и конвертами была незаметна под паранджой. Перед первым заданием предупредила родителей, что остается ночевать в консульстве, у дочери советника посольства, с которой вместе готовятся к экзаменам в университет. И пошла. Идти одной ночью по городу было страшно. Она надела мягкие тапочки, чтобы шаги не были слышны, но казалось, что все равно слышно. Боялась, что на её топот выскочат из всех домов, остановят, сорвут паранджу, увидят, кто она, избьют, а может быть, и убьют! Но она шла. Быстрым шагом. Оглядывалась. Дошла до почты. Стучать не пришлось. Перс дождался её. Отдал один большой конверт. Зинаида спрятала этот конверт в сумку. Чиновник сказал, чтобы через два часа и не позже принесла обратно, и закрыл дверь.

Зинушка пошла назад. Она тряслась от страха, плакала и спешила быстрее добраться до специально снятого конспиративного дома. Добралась. Постучала в ворота. Открыли. Впустили. В комнате горела керосиновая лампа. Агент забрал конверт, повесил им над чайником, из носика которого шел пар. Аккуратно длинным ножом вскрыл пакет, не повредив ни печати, ни бумагу конверта. Достал листы, бережно положил на стол, застланный чистой белой скатертью. Прочитал и начал переписывать. Когда окончил, вложил листы, запечатал конверт и отдал Зинаиде. Та снова пошла по пустым улицам и вернула заклеенный пакет чиновнику.

Так она стала ходить один-два раза в неделю. Постепенно привыкла. Но каждый раз перед выходом давала себе команду не расслабляться, быть собранной и повторяла слова, которые станет говорить, если кто остановит.

Письма переписывали от руки. Если их было много, Зинаиде приходилось долго ждать, и она как-то спросила:

– А почему вы их не фотографируете? Это же очень быстро.

Агент удивленно посмотрел на неё и сказал, что ему про это ничего не говорили. Но он доложит про правильную мысль начальству.

Зинаида видела, как фотографируются иностранцы в Мешхеде. Как делают снимки дервишей, персидских солдат, мечетей. Заметила, что недавно появились красивые маленькие немецкие фотоаппараты, которые носили на ремешках на шее и, когда хотели сделать фото очень быстро, это делали, не устанавливая аппарат на штатив, долго принаравливаясь и накрываясь черной накидкой, как было прежде. Она все про эти аппараты узнала и доложила резиденту, но тот отмахнулся:

– Ты, Зина, не лезь не в свои дела. Мы скоро вообще прекратим эту перлюстрацию всякой чепухи, которую придумал Агресов. А тебе дадим более важное задание. Скоро будем засылать тебя в Ташкент.

Так бы и погибла глупенькая девушка, но повезло. Через несколько дней из Тегерана для проверки деятельности резидентуры прибыл большой начальник. Ему новый резидент и похвастался, что задумал умную операцию по ловле агентов на живца. Начальник из Тегерана Агабеков захотел встретиться с Зинаидой. Поговорил с ней, потом попросил выйти из кабинета и начал орать на этого резидента. Да так громко, что Зинаида, стоявшая за дверями, все слышала.

– Да эту девчонку в Мешхеде знает каждая собака! А что если те агенты, которые осуществляют перевод через границу, видели её здесь, в Мешхеде? И девчонку погубишь, и все дело провалишь!

Резидента отозвали. Агабеков, по заданию ИНО ОГПУ, осуществлял ревизию деятельности мешхедской резидентуры и выявил множество нарушений и денежные растраты. Резидент растерял агентурную сеть, созданную Агресовым. Выделяемые средства тратил непонятно куда, а в расходах перед центром не отчитывался. Вместо реальной работы с советскими учреждениями в Персии, выявления врагов и саботажников, отправил в Москву список, в который включил около ста случайных человек...